

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права

(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Государственно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Проблемы правового регулирования эпидемиологической безопасности»

Обучающийся

К.А. Димеева

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

к.ю.н., доцент А.В. Моисеев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

В современных условиях глобализации, интенсивного международного сообщения, развития транспортных связей и миграционных процессов вопросы обеспечения эпидемиологической безопасности приобретают особую актуальность. Инфекционные заболевания не признают государственных границ, что требует не только национальных, но и международных координированных усилий по их предотвращению и контролю. При этом основу эффективного реагирования на эпидемиологические угрозы составляет качественная правовая база, определяющая полномочия органов власти, механизмы принятия решений, права и обязанности граждан и организаций.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью научного осмысления существующих проблем правового регулирования эпидемиологической безопасности в Российской Федерации, анализа эффективности действующих правовых механизмов и разработки предложений по их совершенствованию с учетом современных вызовов и угроз.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения эпидемиологической безопасности в Российской Федерации.

Предметом исследования выступают нормы российского права, регулирующие отношения в области эпидемиологической безопасности, практика их применения, а также проблемы правового регулирования в данной сфере.

Целью дипломной работы является комплексный анализ проблем правового регулирования эпидемиологической безопасности в Российской Федерации и разработка предложений по совершенствованию законодательства в данной области.

Работа включает введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Понятие, правовая природа и место эпидемиологической безопасности в системе национальной безопасности	7
1.1 Эпидемиологическая безопасность в системе сбережения народа России и развития человеческого потенциала как стратегического национального приоритета	7
1.2 Эпидемиологическая безопасность в системе государственной и общественной безопасности	12
1.3 Понятие, виды и нормативно-правовые основы эпидемиологической безопасности.....	17
Глава 2 Отдельные вопросы правового обеспечения эпидемиологической безопасности.....	24
2.1 Санитарно-эпидемиологические требования обеспечения безопасности среды обитания для здоровья человека	24
2.2 Санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия.....	31
Глава 3 Практика и проблемы обеспечения эпидемиологической безопасности в деятельности органов и учреждений РФ, входящих в систему федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора.....	42
3.1 Основные направления и результаты деятельности органов федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора.....	42
3.2 Проблемные вопросы обеспечения эпидемиологического благополучия населения.....	48
3.3. Обеспечение эпидемиологической безопасности с использованием цифровых технологий.....	54
Заключение	62
Список используемой литературы и используемых источников.....	67

Введение

Эпидемиологическая безопасность представляет собой одну из ключевых составляющих национальной безопасности любого государства, поскольку угрозы инфекционных заболеваний способны нанести серьезный ущерб не только здоровью населения, но и экономической, социальной и политической стабильности страны. События последних лет, связанные с пандемией COVID-19, наглядно продемонстрировали критическую важность эффективного правового регулирования в сфере эпидемиологической безопасности и выявили существенные пробелы в действующем законодательстве различных государств, включая Российскую Федерацию.

В современных условиях глобализации, интенсивного международного сообщения, развития транспортных связей и миграционных процессов вопросы обеспечения эпидемиологической безопасности приобретают особую актуальность. Инфекционные заболевания не признают государственных границ, что требует не только национальных, но и международных координированных усилий по их предотвращению и контролю. При этом основу эффективного реагирования на эпидемиологические угрозы составляет качественная правовая база, определяющая полномочия органов власти, механизмы принятия решений, права и обязанности граждан и организаций.

Российская Федерация обладает развитой системой санитарно-эпидемиологического законодательства, основу которого составляют Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Однако практика применения данных нормативных актов в условиях чрезвычайных эпидемиологических ситуаций выявила ряд системных проблем, требующих комплексного научного анализа и разработки предложений по совершенствованию правового регулирования.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью научного осмысления существующих проблем правового регулирования

эпидемиологической безопасности в Российской Федерации, анализа эффективности действующих правовых механизмов и разработки предложений по их совершенствованию с учетом современных вызовов и угроз.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения эпидемиологической безопасности в Российской Федерации.

Предметом исследования выступают нормы российского права, регулирующие отношения в области эпидемиологической безопасности, практика их применения, а также проблемы правового регулирования в данной сфере.

Целью дипломной работы является комплексный анализ проблем правового регулирования эпидемиологической безопасности в Российской Федерации и разработка предложений по совершенствованию законодательства в данной области.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- раскрыть эпидемиологическую безопасность в системе сбережения народа России и развития человеческого потенциала как стратегического национального приоритета;
- исследовать эпидемиологическую безопасность в системе государственной и общественной безопасности;
- раскрыть понятие, виды и нормативно-правовые основы эпидемиологической безопасности;
- изучить санитарно-эпидемиологические требования обеспечения безопасности среды обитания для здоровья человека;
- раскрыть санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия;

- представить основные направления и результаты деятельности органов федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора;
- исследовать проблемные вопросы обеспечения эпидемиологического благополучия населения;
- раскрыть обеспечение эпидемиологической безопасности с использованием цифровых технологий.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, а также специальные юридические методы.

Теоретическую основу работы составляют труды отечественных ученых-правоведов, исследующих проблемы административного права, права в сфере здравоохранения и обеспечения безопасности, включая работы Н.И. Махонько, Е.А. Тарасовой, Л.С. Гимишян, О.Н. Полуды, С.Б. Аникина, А.И. Пермякова, Ю.В. Артеевой и других авторов.

Нормативную базу исследования составляют федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения и охраны здоровья граждан.

Практическая значимость работы заключается в том, что сформулированные в ней выводы и предложения могут быть использованы для совершенствования действующего законодательства в сфере эпидемиологической безопасности, в правоприменительной деятельности органов государственной власти, а также в учебном процессе при изучении административного права и права в сфере здравоохранения.

Работа включает введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие, правовая природа и место эпидемиологической безопасности в системе национальной безопасности

1.1 Эпидемиологическая безопасность в системе сбережения народа России и развития человеческого потенциала как стратегического национального приоритета

Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, определенные в «Стратегии национальной безопасности» как стратегический приоритет, неразрывно связаны с обеспечением эпидемиологической безопасности как фундаментальной основы демографической стабильности и качества жизни населения. Историческая практика государственного строительства убедительно демонстрирует, что эпидемиологические катастрофы становились причиной не только масштабных демографических потерь, но и серьезных социально-экономических потрясений, подрывавших основы государственности и общественного развития. В современных условиях эпидемиологическая безопасность выступает ключевым элементом системы защиты и воспроизводства человеческого капитала, обеспечивая преемственность поколений, сохранение трудовых ресурсов и создание благоприятных условий для реализации интеллектуального и творческого потенциала нации.

Демографическое измерение эпидемиологической безопасности проявляется в ее прямом воздействии на основные показатели воспроизводства населения. Эпидемиологические угрозы традиционно оказывают наиболее разрушительное воздействие на наиболее уязвимые группы населения – детей, пожилых людей, лиц с хроническими заболеваниями, что приводит к деформации возрастной структуры общества и снижению демографического потенциала. Экономические последствия эпидемий затрагивают не только прямые расходы на здравоохранение, но и косвенные потери от снижения производительности труда, временной

нетрудоспособности, преждевременной смертности экономически активного населения. Социальные издержки включают разрушение семейных связей, снижение образовательного уровня вследствие прерывания учебного процесса, ослабление социальной солидарности и доверия к общественным институтам.

Включение эпидемиологической безопасности в стратегический национальный приоритет «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» в «Стратегии национальной безопасности» [21] отражает понимание государством фундаментальной роли защиты от биологических угроз для обеспечения демографической устойчивости. Этот приоритет предполагает не только реагирование на эпидемиологические кризисы, но и формирование устойчивой системы предупреждения угроз, способной обеспечить преемственность поколений и сохранение трудового потенциала нации.

Современное понимание роли эпидемиологической безопасности в системе сбережения народа формируется под воздействием глобальных вызовов, наиболее ярко проявившихся в условиях пандемии. Пандемия COVID-19, как справедливо отмечают Н.И. Махонько и Е.А. Тарасова: «проверила «на прочность» национальные системы здравоохранения различных государств» [12, с. 17], выявив критическую важность готовности к биологическим угрозам для обеспечения демографической устойчивости. Глобальный характер современных эпидемиологических вызовов требует интеграции национальных усилий в международную систему защиты от биологических угроз, поскольку изолированные действия отдельных государств оказываются недостаточными для обеспечения безопасности населения.

Стратегическое значение международного сотрудничества в сфере эпидемиологической безопасности для реализации задач народосбережения подчеркивается активным участием России в глобальных инициативах по охране здоровья. Н.И. Махонько и Е.А. Тарасова отмечают, что «Российская

Федерация инициативно участвует в международном сотрудничестве в целях охраны здоровья граждан в соответствии с рекомендациями ВОЗ» [12, с. 17]. Это участие обеспечивает доступ к передовым технологиям диагностики и лечения, международному опыту организации противоэпидемических мероприятий, глобальным системам мониторинга эпидемиологических угроз, что непосредственно способствует повышению эффективности защиты российского населения.

Системный характер современной эпидемиологической безопасности в контексте развития человеческого потенциала проявляется в комплексном подходе к обеспечению условий для полноценного развития личности на всех этапах жизненного цикла. Принципы равных гарантий защиты здоровья граждан, доступности качественной медицинской помощи, инновационного развития здравоохранения и правового регулирования медицинской деятельности создают институциональную основу для раскрытия интеллектуального, творческого и профессионального потенциала населения. Гармонизация национальной нормативной базы с международными стандартами, которую отмечают Н.И. Махонько и Е.А. Тарасова, обеспечивает соответствие российской системы охраны здоровья глобальным требованиям и способствует повышению конкурентоспособности человеческого капитала страны.

Исторический опыт показывает важность сочетания государственного управления с общественной инициативой для достижения целей народосбережения. Л.С. Гимишян и О.Н. Полуда отмечают, что «просветительская работа, проводимая земствами и благотворительными обществами, способствовала повышению уровня осведомленности населения, что было важным фактором в предотвращении эпидемий» [8, с. 19], что демонстрирует эффективность социальной мобилизации и актуально для современной системы защиты человеческого потенциала.

Трансформация эпидемиологических угроз в современных условиях требует расширения понимания биологической безопасности как компонента

системы народосбережения. Биологические риски в XXI веке охватывают не только традиционные инфекционные заболевания, но и новые вызовы, связанные с генно-инженерной деятельностью, использованием патогенных агентов в медицинских и исследовательских целях, биологическим загрязнением окружающей среды. «Биологические угрозы могут носить как естественный, так и искусственный характер, что требует дифференцированного правового подхода к их регулированию» [8, с. 42]. Комплексный подход к биологической безопасности обеспечивает защиту не только современных поколений, но и будущих, предотвращая генетические нарушения и сохраняя биологическую основу человеческого развития.

Правовые основы обеспечения эпидемиологической безопасности как инструмента народосбережения, анализируемые С.Б. Аникиным и А.И. Пермяковым, подчеркивают конституционное значение защиты здоровья населения для государственного строительства. Отнесение безопасности к исключительному ведению Российской Федерации согласно п. «м» ст. 71 Конституции РФ [1, с. 103] отражает понимание эпидемиологической безопасности как основы государственного суверенитета и территориальной целостности. Одновременно совместное ведение вопросов координации здравоохранения и борьбы с эпидемиями обеспечивает адаптацию федеральной политики к региональным особенностям демографического развития и специфическим эпидемиологическим рискам.

Опыт противодействия пандемии COVID-19 выявил стратегическое значение эпидемиологической готовности для обеспечения непрерывности социально-экономического развития и защиты человеческого потенциала. Введение режима повышенной готовности, как отмечают С.Б. Аникин и А.И. Пермяков, предусматривало «совокупность организационных мероприятий, проводимых органами управления в целях предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [1, с. 105]. Эти меры были направлены не только на прямую защиту здоровья населения, но и на сохранение функционирования образовательной системы, трудовых отношений,

семейных связей – всех элементов социальной инфраструктуры, обеспечивающих развитие человеческого потенциала.

Цифровизация системы эпидемиологического мониторинга и прогнозирования открывает новые возможности для повышения эффективности защиты человеческого потенциала от биологических угроз. Использование искусственного интеллекта, больших данных, мобильных технологий позволяет создать систему раннего предупреждения эпидемических рисков, персонализированного медицинского сопровождения, дистанционного образования и профессиональной деятельности в условиях ограничительных мер. Интеграция цифровых инструментов в систему эпидемиологической безопасности способствует не только защите здоровья населения, но и развитию инновационного потенциала общества, формированию цифровых компетенций, адаптации к технологическим вызовам будущего.

Международное измерение эпидемиологической безопасности в контексте развития человеческого потенциала требует участия в глобальных инициативах по укреплению систем здравоохранения, обмену научными достижениями, подготовке специалистов международного уровня. Сотрудничество в рамках ВОЗ, участие в международных исследовательских программах, академические обмены способствуют повышению квалификации российских специалистов, внедрению передовых медицинских технологий, интеграции отечественной науки в глобальное пространство знаний. Это обеспечивает устойчивое развитие человеческого потенциала на основе лучших мировых практик при сохранении национальной идентичности и суверенитета в принятии ключевых решений.

Перспективы развития системы эпидемиологической безопасности как инструмента народосбережения связаны с формированием проактивной модели защиты здоровья населения, основанной на предупреждении рисков, а не только реагировании на угрозы. Это предполагает создание национальной системы мониторинга здоровья населения, включающей экологические,

социальные, экономические индикаторы качества жизни; развитие персонализированной медицины с учетом генетических, поведенческих, средовых факторов риска; формирование культуры здорового образа жизни как основы человеческого развития; интеграцию вопросов эпидемиологической безопасности в систему образования, профессиональной подготовки, социального обеспечения.

Эпидемиологическая безопасность в системе сбережения народа России и развития человеческого потенциала представляет собой стратегический национальный приоритет, обеспечивающий защиту и воспроизводство человеческого капитала как основы государственного суверенитета и общественного прогресса. Исторический опыт формирования системы защиты от эпидемиологических угроз, современные вызовы глобализации и технологического развития, перспективы цифровизации и международной интеграции требуют комплексного подхода, сочетающего государственное управление с общественной инициативой, национальные приоритеты с глобальными стандартами, традиционные методы с инновационными технологиями для обеспечения демографической устойчивости и качественного развития человеческого потенциала России.

1.2 Эпидемиологическая безопасность в системе государственной и общественной безопасности

Государственная безопасность традиционно понимается как состояние защищенности конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности от внешних и внутренних угроз, однако современные реалии расширили этот концепт до включения биологических рисков как самостоятельной категории угроз национальной безопасности. Эпидемиологическая безопасность органично встраивается в эту систему через механизмы санитарно-эпидемиологического надзора, биологического мониторинга и чрезвычайного реагирования, которые функционируют

параллельно с другими элементами государственной защиты. При этом специфика биологических угроз заключается в их способности одновременно воздействовать на все сферы безопасности, от экономической до социальной, что требует не просто включения эпидемиологической составляющей в общую систему, а формирования особых межведомственных механизмов координации, способных оперативно мобилизовать ресурсы различных государственных институтов при возникновении эпидемиологических кризисов.

Эпидемиологическая безопасность занимает ключевое место в системе государственной безопасности как инструмент централизованного контроля и координации органов власти для защиты от биологических угроз, а в общественной безопасности она способствует формированию социальной ответственности и коллективных механизмов устойчивости, обеспечивая баланс между государственным управлением и участием общества в предотвращении эпидемий.

Система государственной безопасности в сфере эпидемиологической защиты включает многоуровневые механизмы, где органы власти реализуют контроль, надзор и координацию, интегрируя усилия для оперативного реагирования на угрозы. В общественной безопасности акцент делается на социальной солидарности, просветительской деятельности и ответственности граждан, что позволяет укреплять коллективную устойчивость. Анализ различных исследований показывает эволюцию этой системы от исторических форм контроля к современным подходам, учитывающим глобальные вызовы, такие как пандемии.

Соотношение государственной и общественной безопасности в эпидемиологической сфере раскрывает фундаментальное противоречие между необходимостью централизованного управления биологическими рисками и потребностью в добровольном участии населения в противоэпидемических мероприятиях. Если государственная безопасность оперирует императивными методами принуждения через систему санкций,

запретов и обязательных предписаний, то общественная безопасность формируется через культивирование ответственного поведения, санитарной грамотности и добровольного соблюдения профилактических норм без прямого государственного принуждения. Эта дихотомия становится особенно заметной в кризисных ситуациях, когда чрезмерное усиление государственного контроля может привести к социальному сопротивлению и недоверию к официальным мерам, а недостаточная жесткость регулирования создает условия для неконтролируемого распространения инфекций через безответственное поведение отдельных граждан или групп населения. Следовательно, эффективная система эпидемиологической безопасности должна находить оптимальное соотношение между этими двумя полюсами, адаптируя степень государственного вмешательства к конкретной эпидемиологической обстановке и уровню общественного сознания.

Современный этап характеризуется осознанием того, что биологические угрозы не ограничиваются естественными инфекционными заболеваниями, а включают риски биотерроризма, лабораторных инцидентов и непредсказуемых последствий антропогенного воздействия на экосистемы, что требует интеграции эпидемиологической безопасности не только с системой здравоохранения, но и с секторами обороны, экономики и информационной безопасности для формирования целостной архитектуры защиты от биологических угроз любого происхождения.

По мнению Ю.С. Голобородько, эпидемиологическая безопасность в системе государственной безопасности реализуется через административно-правовые механизмы контроля и надзора. Автор подчеркивает, что «государственный контроль в санитарно-эпидемиологической сфере представляет собой совокупность административных действий органов власти, направленных на обеспечение безопасности здоровья населения» [9, с. 56]. Это включает не только мониторинг, но и принуждение к соблюдению норм, что делает государственную систему основным инструментом предотвращения угроз. В контексте общественной

безопасности Голобородько отмечает роль общественных инициатив в поддержке государственных мер, где граждане и организации участвуют в просветительской работе и соблюдении требований. Ю.С. Голобородько анализирует административные процедуры как основу государственной системы. По его мнению, «эффективность контроля зависит от качества процедур, обеспечивающих взаимодействие органов власти и общества» [9, с. 58]. Это включает проверки, лицензирование и санкции, которые интегрируют государственный надзор с общественной ответственностью. Автор критикует отсутствие единства в процедурах, что приводит к пробелам в реагировании, и предлагает усилить координацию для повышения роли общественных организаций в мониторинге.

По нашему мнению, позиция Ю.С. Голобородько обоснованно подчеркивает роль государственной системы в обеспечении эпидемиологической безопасности, но могла бы больше внимания уделить интеграции с общественными механизмами. Соглашаясь с акцентом на превентивные меры, мы считаем, что дальнейшее развитие должно включать цифровизацию для повышения прозрачности и участия общества.

В.А. Породенко, Е.Н. Травенко и Д.А. Лаптев рассматривают эпидемиологическую безопасность в контексте административной ответственности в системе государственной безопасности. Авторы отмечают, что «введение режима повышенной готовности стало ключевым инструментом государственной координации в борьбе с COVID-19» [15, с. 45]. Это демонстрирует, как государственная система использует правовые режимы для централизованного управления, включая запреты и обязанности для граждан и организаций.

Авторы анализируют проблемы разграничения правонарушений в государственной системе, указывая, что «двойная квалификация деяний подрывает эффективность надзора» [15, с. 47]. В общественной безопасности они видят необходимость в четких нормах для формирования ответственности населения, где общественные структуры помогают в информировании и

контроле. Предлагаемые изменения, такие как введение новых составов в КоАП, направлены на усиление государственной системы с учетом общественной роли.

По нашему мнению, анализ В.А. Породенко и коллег ценен для понимания административных аспектов, но требует дополнения международным опытом для баланса между государственным принуждением и общественной солидарностью.

С.А. Щербакова, И.Г. Карнаухов и В.В. Кутырев подчеркивают роль международного сотрудничества в государственной системе безопасности. Они отмечают, что «Координационный совет СНГ формирует единую систему мониторинга, объединяя государственные институты для коллективной защиты» [32, с. 101]. Это расширяет государственную систему за национальные границы, включая обмен информацией и унификацию процедур.

Авторы акцентируют на межгосударственной координации как элементе государственной безопасности, где Роспотребнадзор играет центральную роль. В общественной безопасности это способствует глобальной солидарности, где общественные организации участвуют в трансграничных инициативах. Они подчеркивают, что такая система повышает устойчивость к угрозам через совместные усилия. По нашему мнению, позиция С.А. Щербаковой и коллег важна для понимания международного измерения, но могла бы включить больше о роли общественных НПО в этой системе.

А.О. Филатова и Р.В. Федосеев анализируют мониторинг нормативных актов в государственной системе. Они указывают, что «мониторинг позволяет выявлять пробелы в регулировании биологической безопасности» [28, с. 39]. Это укрепляет государственную систему через систематический анализ, обеспечивая адаптивность.

В общественной безопасности мониторинг способствует прозрачности, где общество может участвовать в оценке рисков. Авторы предлагают

интегрировать мониторинг в государственные структуры для оперативного реагирования.

По нашему мнению, их подход обоснован, но требует интеграции с цифровыми инструментами для повышения эффективности.

Эпидемиологическая безопасность в системе государственной и общественной безопасности представляет собой интегрированный механизм, где государственные органы обеспечивают контроль и координацию, а общественные элементы способствуют социальной устойчивости. Анализ показывает необходимость баланса между централизацией и децентрализацией, с учетом международного сотрудничества и мониторинга.

В перспективе развитие этой системы должно фокусироваться на превентивных мерах, цифровизации и вовлечении общества для повышения общей устойчивости к биологическим угрозам. Современные вызовы глобализации и урбанизации радикально изменили параметры эпидемиологической безопасности, превратив её из преимущественно национальной проблемы в вопрос транснационального управления рисками, где традиционное разделение на государственную и общественную безопасность требует переосмысления. Интенсификация международных перемещений населения, товаров и услуг создает условия для молниеносного распространения инфекционных агентов между континентами, что делает невозможным обеспечение эпидемиологической безопасности отдельно взятого государства без координации с международными партнерами и участия в глобальных системах эпидемиологического надзора.

1.3 Понятие, виды и нормативно-правовые основы эпидемиологической безопасности

Эпидемиологическая безопасность представляет собой состояние защищенности населения и территории от биологических угроз различного характера, обеспечиваемое комплексом профилактических, надзорных и

ответных мер. По мнению Ю.В. Артеевой, понятие эпидемиологической безопасности включает комплекс мер по защите от инфекций, с видами угроз от естественных эпидемий до техногенных рисков, при этом автор отмечает исторические истоки в XVI веке с пограничными мерами, где безопасность рассматривалась как защита от завоза болезней [2, с. 90]. Ю.В. Артеева выделяет советский период как ключевой, с Декретом 1918 года, устанавливающим надзор как основу регулирования [2, с. 91], что заложило принципы централизации, определяющие виды мер: профилактические (вакцинация, санитарный контроль), карантинные (изоляция) и санитарные (нормирование среды обитания). Современное понимание эпидемиологической безопасности интегрирует исторический опыт с актуальными вызовами, включая не только традиционные инфекционные заболевания, но и новые угрозы, связанные с биотехнологическим развитием, изменением климата и глобализационными процессами.

По нашему мнению, концептуальное развитие эпидемиологической безопасности в современных условиях требует переосмысления традиционных подходов. Представляется необходимым рассмотреть междисциплинарную природу данного феномена, интегрирующего медицинские, социальные, экономические и технологические аспекты. С нашей точки зрения, эпидемиологическая безопасность выходит за рамки узкоспециализированной медицинской проблематики и приобретает характер комплексной системы национальной безопасности. Мы полагаем, что современное понимание должно включать не только реагирование на уже возникшие угрозы, но и формирование устойчивых механизмов предвосхищения рисков. Такой подход требует развития прогностических моделей, основанных на анализе больших данных, искусственном интеллекте и междисциплинарных исследованиях, что позволяет создать более эффективную систему раннего предупреждения и минимизации последствий биологических угроз.

Классификация видов угроз эпидемиологической безопасности основывается на их происхождении и характере воздействия. Естественные угрозы включают эпидемии и пандемии, вызванные природными патогенами, такими как COVID-19, корь, полиомиелит, а также заболевания, связанные с неблагоприятными экологическими факторами среды обитания. Искусственные угрозы охватывают риски биотерроризма, техногенные аварии с биологическим компонентом, последствия генно-инженерной деятельности и промышленных производств, создающих биологическое загрязнение. Такая дифференциация требует специализированных подходов в регулировании: естественные угрозы требуют мониторинга и готовности системы здравоохранения, а искусственные угрозы нуждаются в специальном регулировании рисков и превентивных мерах безопасности.

Нормативно-правовые основы эпидемиологической безопасности в Российской Федерации представляют многослойную систему, эволюционировавшую от локальных карантинных мер до комплексного регулирования, охватывающего медицинские, административные, экологические и технологические аспекты. Фундаментальным документом выступает Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [26], определяющий санитарно-эпидемиологическое благополучие как «состояние здоровья населения, среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности» [26]. Закон устанавливает виды надзора, где федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор определяется как деятельность по «предупреждению, обнаружению, пресечению нарушений законодательства Российской Федерации в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения» [26], и закрепляет разграничение полномочий между федеральными и региональными органами власти.

Дополняющим элементом выступает Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [25], который определяет охрану здоровья как систему мер политического, экономического, правового, социального, научного и медицинского характера, включая санитарно-противоэпидемические [25]. Специализированное регулирование обеспечивается Федеральным законом от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», который фокусируется на профилактических мерах, определяя иммунопрофилактику как систему вакцинации для создания коллективного иммунитета [24]. Экологический аспект регулируется Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», связывающим эпидемиологическую безопасность со средой обитания и устанавливающим нормы по предотвращению биологического загрязнения [23].

На стратегическом уровне Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» интегрирует эпидемиологическую безопасность в национальную систему, определяя ее как приоритет в защите от биологических угроз, включая пандемии и биотерроризм [21]. Детализация осуществляется через подзаконные акты, включая санитарные правила и нормы СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней», которые конкретизируют виды профилактических мер, включая дезинфекцию, вакцинацию и карантин для конкретных заболеваний [16]. Цифровизация системы обеспечивается Постановлением Правительства РФ от 02.12.2021 № 2178 «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе сведений санитарно-эпидемиологического характера» [17].

Международный аспект нормативного регулирования подчеркивается интеграцией российского законодательства с международными стандартами ВОЗ, включая Международные медико-санитарные правила (ММСП), что отражено в позиции организации: «Санитарно-эпидемиологическая

безопасность выходит за рамки одного лишь сектора здравоохранения, охватывая все основные аспекты безопасности населения» [19]. В Европейском регионе ВОЗ, включая Россию, стратегия «Обеспечение готовности 2.0» на 2024–2029 гг. опирается на ММСП (2005 г.) и принцип «Единое здоровье» для борьбы с видами угроз, такими как устойчивость к антибиотикам и снижение иммунизации [19]. Практическая реализация нормативных положений осуществляется через деятельность Роспотребнадзора, который обеспечивает надзор, мониторинг и информирование населения о мерах профилактики [14].

Анализируя современное состояние нормативно-правового регулирования эпидемиологической безопасности, мы приходим к выводу о необходимости создания более гибкой и адаптивной системы правового реагирования на новые вызовы. Представляется важным развитие механизмов обратной связи между научным сообществом, практическими работниками здравоохранения и законодательными органами для своевременной корректировки нормативных актов в соответствии с появляющимися угрозами. По нашему мнению, особого внимания заслуживает вопрос баланса между индивидуальными правами граждан и коллективными интересами общественного здоровья, который становится особенно актуальным в условиях введения ограничительных мер. С нашей точки зрения, необходимо развитие правовых механизмов, обеспечивающих прозрачность принятия решений в области эпидемиологической безопасности и подотчетность органов власти перед обществом. Мы считаем целесообразным создание специализированных консультативных органов, включающих представителей научного сообщества, медицинских работников, юристов и общественных организаций, для экспертной оценки проектов нормативных актов и мониторинга их практической реализации.

Современная система правового регулирования эпидемиологической безопасности характеризуется комплексностью и динамичностью, интегрируя национальные приоритеты с международными обязательствами. Однако

анализ выявляет потребность в дальнейшей гармонизации нормативных актов, особенно в области цифровизации мониторинга рисков, адаптации к новым биотехнологическим вызовам и совершенствования межведомственного взаимодействия. Перспективы развития нормативно-правовых основ связаны с укреплением превентивного подхода, расширением международного сотрудничества и созданием гибких механизмов реагирования на угрозы в условиях глобализации и технологического развития.

Представим выводы по первой главе исследования. По результатам проведенного исследования эпидемиологическая безопасность представляет собой сложную многоуровневую систему, интегрированную в структуру национальной безопасности России как стратегический приоритет сбережения народа и развития человеческого потенциала. Анализ исторической эволюции показывает, что формирование системы эпидемиологической защиты прошло путь от локальных санитарных мер XVI века через институционализацию земских инициатив XIX столетия к современной комплексной правовой базе. Особенно значимым оказался советский период с Декретом 1918 года, заложивший принципы централизованного государственного надзора, которые сохраняют актуальность в условиях федеративного устройства современной России. Пандемия COVID-19 стала катализатором для переосмысления эффективности существующих механизмов, выявив необходимость усиления координации между федеральным центром и субъектами Федерации при сохранении единства нормативного регулирования.

Правовое регулирование эпидемиологической безопасности демонстрирует дуалистический характер, сочетающий элементы государственной и общественной безопасности через механизмы административного контроля и социальной ответственности. Федеральный закон № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» формирует базовую концептуальную основу, определяя виды угроз от естественных эпидемий до техногенных рисков, однако практика применения

норм в условиях чрезвычайных ситуаций выявляет проблемы правовой неопределенности при одновременном использовании общих и специальных законодательных актов. Разграничение полномочий между уровнями власти требует оптимизации в пользу большей децентрализации оперативного реагирования при сохранении федерального контроля над стратегическими решениями. Международное измерение эпидемиологической безопасности, особенно в рамках сотрудничества в СНГ и следования рекомендациям ВОЗ, подчеркивает необходимость гармонизации национального законодательства с глобальными стандартами для эффективного противодействия трансграничным биологическим угрозам.

Современные вызовы требуют дальнейшего развития системы эпидемиологической безопасности через интеграцию цифровых технологий мониторинга, усиление превентивных мер и расширение роли общественных организаций в просветительской деятельности. Анализ административно-правовых механизмов показывает потребность в унификации процедур государственного санитарно-эпидемиологического надзора и устранении дублирования функций различных ведомств. Концепция «Единое здоровье», закрепленная в стратегических документах ВОЗ, должна найти более полное отражение в российском законодательстве через интеграцию экологических, медицинских и ветеринарных аспектов биологической безопасности. Перспективы развития связаны с созданием адаптивной правовой системы, способной оперативно реагировать на новые виды биологических угроз, включая биотехнологические риски и потенциальные акты биотерроризма, при сохранении баланса между общественной безопасностью и конституционными правами граждан.

Глава 2 Отдельные вопросы правового обеспечения эпидемиологической безопасности

2.1 Санитарно-эпидемиологические требования обеспечения безопасности среды обитания для здоровья человека

Санитарно-эпидемиологические требования к безопасности среды обитания представляют собой систему правовых норм, направленных на защиту здоровья населения от неблагоприятных факторов окружающей среды. Эти требования охватывают качество атмосферного воздуха, водных ресурсов, почвы, а также условия проживания и трудовой деятельности человека. В условиях современного промышленного развития и урбанизации такие нормы приобретают особую значимость, поскольку их нарушение может привести к массовым угрозам общественному здоровью.

В.А. Баранов в своем исследовании выделяет санитарно-эпидемиологические проблемы в строительной отрасли как важнейший аспект обеспечения безопасности среды обитания. Автор подчеркивает, что «санитарно-эпидемиологические требования в строительстве включают нормы по размещению объектов, вентиляции, водоснабжению и канализации, направленные на предотвращение вредного воздействия на здоровье человека» [3, с. 112]. По мнению В.А. Баранова, эти требования часто вступают в конфликт с экономическими интересами, поскольку их выполнение может увеличить себестоимость проектов на 25%, что приводит к попыткам минимизации расходов за счет снижения качества санитарных мер. Исследователь отмечает, что «отсутствие унифицированных подходов к оценке рисков среды обитания приводит к пробелам в правоприменении, где локальные власти игнорируют федеральные требования» [3, с. 113]. Это подчеркивает необходимость интеграции санитарных норм в градостроительное планирование, чтобы среда обитания не становилась источником биологических угроз.

Е.Н. Шалавина расширяет понимание проблемы, рассматривая охрану земель как фундаментальный фактор обеспечения безопасности среды обитания. Автор подчеркивает, что «земли как компонент окружающей среды напрямую влияют на эпидемиологическую ситуацию через риск биологического загрязнения почвы патогенами» [30, с. 386]. Е.Н. Шалавина анализирует правовые механизмы, где санитарно-эпидемиологические требования включают нормы по рекультивации земель, предотвращению эрозии и контролю за использованием пестицидов. По ее мнению, «нарушения в охране земель, такие как несанкционированные свалки или промышленные отходы, создают очаги инфекций, требующие строгого санитарного контроля» [30, с. 388]. Исследователь предлагает рассматривать земли не только как ресурс, но и как фактор эпидемиологической безопасности, утверждая, что «эффективная охрана земель требует гармонизации санитарных и экологических норм, чтобы предотвратить трансформацию среды обитания в источник угроз» [30, с. 390].

Нормативную основу санитарно-эпидемиологических требований составляет Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», который определяет среду обитания как «совокупность объектов, факторов и условий, в которых протекает жизнедеятельность человека» [23]. Закон устанавливает классификацию вредных факторов, включая биологические патогены в почве и воде, и предусматривает обязательную экологическую экспертизу для предотвращения рисков. Конкретизацию этих требований содержит Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 4, утверждающее СанПиН 3.3686-21, где установлены предельно допустимые концентрации вредных веществ в воздухе, воде и почве, а также нормы для урбанистической среды [16].

Международное измерение проблемы отражено в документах ВОЗ, где санитарно-эпидемиологическая безопасность среды обитания рассматривается через концепцию «Единое здоровье», подчеркивающую

взаимосвязь здоровья человека, животных и состояния окружающей среды. Согласно позиции ВОЗ, «санитарно-эпидемиологическая безопасность должна быть приоритетом в области стратегического руководства и инвестиций не только в секторе здравоохранения, но и в других секторах, чтобы мы имели возможность работать над устранением рисков для здоровья на стыке взаимодействия между человеком, миром животных и окружающей средой» [19]. Это требует интеграции национальных норм с международными стандартами, включая меры реагирования на климатические изменения, влияющие на среду обитания.

Современный анализ санитарно-эпидемиологических требований к безопасности среды обитания показывает их ключевую роль в системе общественного здравоохранения, однако выявляет проблемы фрагментарности регулирования и противоречий между экономическими интересами и требованиями безопасности. Эффективность данных требований зависит от их интеграции с экологическим законодательством, градостроительным планированием и международными стандартами, что требует совершенствования межведомственного взаимодействия и развития превентивных подходов к управлению рисками в сфере общественного здоровья. Эти общие положения органично дополняются конкретными нормами Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», где глава III устанавливает детализированные требования к различным аспектам среды обитания, подчеркивая превентивный характер регулирования для минимизации рисков.

Санитарно-эпидемиологические требования к обеспечению безопасности среды обитания для здоровья человека, изложенные в главе III Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», формируют комплексный подход к защите населения от вредных факторов окружающей среды, включая планировку, продукцию, воду, воздух и отходы. Эти требования подчеркивают приоритет создания благоприятных условий для жизни, где «при планировке и застройке городских и сельских

поселений должно предусматриваться создание благоприятных условий для жизни и здоровья населения путем комплексного благоустройства городских и сельских поселений и реализации иных мер по предупреждению и устранению вредного воздействия на человека факторов среды обитания» [26]. Такое положение не только устанавливает обязательства по соблюдению санитарных правил при размещении объектов, но и вводит институт санитарно-защитных зон, устанавливаемых федеральным органом санитарно-эпидемиологического надзора, что отражает баланс между промышленным развитием и общественным здоровьем. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что игнорирование таких зон может привести к хроническому воздействию вредных факторов, усугубляя эпидемиологические риски в урбанизированных районах, что перекликается с анализом В.А. Баранова о конфликте экономических интересов и санитарных норм.

Закон акцентирует внимание на продукции производственно-технического назначения и товарах для личных нужд, требуя, чтобы «продукция производственно-технического назначения, при производстве, транспортировке, хранении, применении (использовании) и утилизации которой требуется непосредственное участие человека, а также товары для личных и бытовых нужд граждан (далее - продукция) не должны оказывать вредное воздействие на человека и среду обитания. Продукция по своим свойствам и показателям должна соответствовать санитарно-эпидемиологическим требованиям» [26]. Это подразумевает соответствие санитарно-эпидемиологическим требованиям на всех этапах – от производства до утилизации, с обязательным приостановлением деятельности при выявлении несоответствий. Аналогично, потенциально опасные химические и биологические вещества допускаются к обращению только после государственной регистрации, что подчеркивает превентивный характер регулирования. По нашему мнению, такая система регистрации служит барьером против неконтролируемого распространения веществ, способных вызвать массовые интоксикации или инфекционные вспышки, особенно в

условиях глобальной торговли, дополняя международные стандарты ВОЗ по «Единому здоровью».

Особое место отведено пищевым продуктам и добавкам, где «пищевые продукты должны удовлетворять физиологическим потребностям человека и не должны оказывать на него вредное воздействие» [26], с обязательным использованием разрешенных материалов и технологий. Закон предусматривает немедленное снятие с производства несоответствующей продукции, интегрируя это с техническим регулированием. В контексте ввозимой продукции аналогичные требования распространяются на импорт, где обязательства по санитарным гарантиям становятся существенными условиями контрактов. С нашей точки зрения, это демонстрирует, как санитарные нормы интегрируются в экономические отношения, предотвращая импорт рискованных товаров, но одновременно создавая вызовы для международной логистики, где несоблюдение может привести к экономическим санкциям и угрозам здоровью, что согласуется с позицией Е.Н. Шалавиной о гармонизации санитарных и экологических норм.

В организации питания населения акцент делается на профилактике инфекций, где «при организации питания населения в специально оборудованных местах (столовых, ресторанах, кафе, барах и других), в том числе при приготовлении пищи и напитков, их хранении и реализации населению, для предотвращения возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений) должны выполняться санитарно-эпидемиологические требования» [26], с учетом физиологических норм в учреждениях. Это распространяется на водные объекты, требуя, чтобы они «не должны являться источниками биологических, химических и физических факторов вредного воздействия на человека» [26], с установлением нормативов предельно допустимых сбросов и зон санитарной охраны. Представляется, что такие меры не только охраняют ресурсы, но и минимизируют риски водно-распространяемых заболеваний, подчеркивая необходимость

межведомственного контроля для предотвращения экологических катастроф, подобных загрязнению рек промышленными стоками, в контексте охраны земель как фактора эпидемиологической безопасности.

Питьевая вода и атмосферный воздух подвергаются строгим критериям, где «питьевая вода должна быть безопасной в эпидемиологическом и радиационном отношении, безвредной по химическому составу и должна иметь благоприятные органолептические свойства» [26], с приоритетом обеспечения населения. Атмосферный воздух в поселениях и рабочих зонах «не должен оказывать вредное воздействие на человека» [23], с нормативами предельно допустимых выбросов и мер по снижению загрязнения. Это подразумевает обязательные санитарно-эпидемиологические заключения для проектов. На наш взгляд, такие требования отражают системный подход к антропогенным факторам, где отсутствие контроля может усугубить респираторные и онкологические заболевания, требуя от органов власти активных мер по мониторингу, особенно в промышленных зонах, что усиливает роль экологической экспертизы по Федеральному закону № 7-ФЗ.

Почвы и территории поселений должны соответствовать нормам по содержанию вредных веществ, где «в почвах городских и сельских поселений и сельскохозяйственных угодий содержание потенциально опасных для человека химических и биологических веществ, биологических и микробиологических организмов, а также уровень радиационного фона не должен превышать предельно допустимые концентрации (уровни), установленные санитарными правилами» [26]. Обращение с отходами, включая медицинские, требует безопасности, с классификацией по опасности и обязательным обеззараживанием классов «Б» и «В». Закон детализирует порядок передачи отходов операторам, с учетом радиационного контроля. По нашему мнению, это подчеркивает, что неэффективное управление отходами превращает среду обитания в источник хронических угроз, требуя строгой иерархии ответственности для предотвращения биоаккумуляции токсинов в

пищевых цепях, интегрируясь с СанПиН 3.3686-21 для профилактики инфекций.

Жилые и производственные помещения подчиняются требованиям по микроклимату и шуму, где «жилые помещения по площади, планировке, освещенности, инсоляции, микроклимату, воздухообмену, уровням шума, вибрации, ионизирующих и неионизирующих излучений должны соответствовать санитарно-эпидемиологическим требованиям в целях обеспечения безопасных и безвредных условий проживания независимо от его срока» [26], запрещая заселение непригодных объектов. Эксплуатация зданий и транспорта включает санитарно-противоэпидемические мероприятия, с приостановкой при нарушениях. Условия труда не должны вредить, с мерами по защите работников. Представляется, что это иллюстрирует, как санитарные нормы проникают в повседневную жизнь, балансируя индивидуальные права с коллективной безопасностью, но требуя усиления правоприменения для минимизации профессиональных рисков, в гармонии с международными подходами к устранению рисков на стыке человека и среды.

Наконец, требования к работе с биологическими веществами и физическими факторами, включая излучения, допускают деятельность только при наличии заключений о соответствии, где «осуществление работ с биологическими веществами, биологическими и микробиологическими организмами и их токсинами допускается при наличии санитарно-эпидемиологических заключений о соответствии условий выполнения таких работ санитарным правилам» [26]. Для детей в образовательных учреждениях обязательны меры по здоровью и соответствие средств обучения. С нашей точки зрения, эти положения подчеркивают превентивную ориентацию закона, где интеграция требований в различные сферы обеспечивает долгосрочную устойчивость среды обитания, но выявляет необходимость постоянного обновления норм в ответ на новые угрозы, такие как биотехнологии или климатические изменения, подкрепляя фрагментарность регулирования, отмеченную в современном анализе.

2.2 Санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия

Санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия составляют оперативный уровень правового обеспечения эпидемиологической безопасности, фокусируясь на предупреждении и локализации инфекционных угроз через вакцинацию, дезинфекцию, карантин и образовательные инициативы. Эти мероприятия не только реагируют на существующие риски, но и формируют культуру профилактики, интегрируя государственные механизмы с общественной ответственностью. В контексте глобальных пандемий и локальных вспышек их правовое регулирование приобретает критическое значение, раскрывая пробелы в реализации и необходимость адаптации к новым вызовам, таким как резистентность патогенов. Практика показывает, что эффективность этих мероприятий зависит от баланса между принудительными мерами и добровольным участием населения, где правовые нормы должны стимулировать не только соблюдение, но и осознанное поведение. Кроме того, исторический обзор эволюции этих мер — от ранних карантинных практик в средневековой Европе до современных глобальных стратегий, таких как рамки ВОЗ по международным медико-санитарным правилам, — подчеркивает их трансформацию под влиянием научного прогресса и социополитических изменений. В российском контексте это проявляется в постепенном переходе от советской модели жесткого государственного контроля к более гибким подходам, учитывающим права человека. С нашей точки зрения, такая эволюция требует постоянного обновления, особенно в эпоху цифровизации, где инструменты вроде мобильных приложений для отслеживания контактов и ИИ для прогнозирования вспышек могут радикально повысить эффективность, но также ставят вопросы этики и конфиденциальности данных. По нашему мнению, интеграция технологий в профилактику не только усиливает оперативность, но и способствует формированию

партнерства между государством и гражданами, делая меры более прозрачными и доверительными.

Правовая основа данных мероприятий детализирована в ключевых нормативных актах, определяющих их содержание и механизмы реализации.

Санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия представляют собой системный комплекс мер, направленных на предотвращение возникновения и распространения инфекционных заболеваний, а также на обеспечение оптимальных условий для поддержания здоровья населения. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 52-ФЗ определяет данные мероприятия как включающие «проведение обязательного медицинского осмотра, госпитализации или об изоляции граждан, находившихся в контакте с больными инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих» [26]. Данное положение отражает проактивный подход к эпидемиологической безопасности, при котором акцент делается не только на реактивных действиях, но и на систематическом мониторинге и профилактике. Эффективность указанных мер напрямую зависит от интеграции их в повседневную деятельность государственных органов, что позволяет минимизировать риски массовых заболеваний посредством своевременного вмешательства.

Законодательство детализирует полномочия должностных лиц, осуществляющих федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, предоставляя им право «давать гражданам и юридическим лицам предписания, обязательные для исполнения в установленные сроки, о проведении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий» [26]. Данный механизм обеспечивает юридическую основу для оперативного реагирования на эпидемиологические угрозы, включая отбор проб для исследований и измерение факторов среды обитания. В контексте профилактики это предполагает не только контрольные функции, но и информационно-

просветительскую деятельность, поскольку информирование населения о санитарно-эпидемиологической обстановке способствует повышению общей гигиенической культуры. Нормативная база закона способствует созданию многоуровневой системы защиты, где профилактические меры интегрируются с административными инструментами для достижения устойчивого эпидемиологического благополучия.

В военных формированиях Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденный Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495, устанавливает специализированные требования к санитарно-гигиеническим условиям в воинских частях. Устав предписывает, что «командиры (начальники) обязаны обеспечивать соблюдение санитарных норм и правил в повседневной деятельности, включая организацию медицинского контроля за состоянием здоровья военнослужащих» [22]. Данные требования включают регулярные медицинские осмотры и дезинфекционные мероприятия, что особенно значимо в условиях коллективного проживания, характеризующегося повышенным риском распространения инфекций. Подобная регламентация отражает адаптацию общих санитарных принципов к специфике военной среды, где дисциплинарный фактор усиливает эффективность профилактических мер, предотвращая потенциальные эпидемии в замкнутых коллективах.

Устав акцентирует внимание на ответственности за «выполнение работ по дезинфекции, дезинсекции и дератизации в очагах инфекционных заболеваний» [22], что соответствует аналогичным положениям федерального законодательства. Это обеспечивает преемственность в подходах от гражданского населения к военным структурам, где профилактические меры интегрируются в повседневный распорядок, включая контроль за системами водоснабжения и организацией питания. Подобная синхронизация нормативных требований подчеркивает, что в военной сфере санитарно-противоэпидемические мероприятия выполняют двойную функцию: защиту

здоровья личного состава и поддержание боеготовности подразделений посредством минимизации потерь от заболеваемости.

Федеральный закон предусматривает введение ограничительных мероприятий (карантина) при угрозе распространения инфекций, где главный государственный санитарный врач наделен правом «вносить в Правительство Российской Федерации предложения о введении (отмене) ограничительных мероприятий (карантина) на территории Российской Федерации» [26]. Данная система демонстрирует иерархический подход к кризисному управлению, при котором профилактические меры эскалируются до национального уровня принятия решений. В военном контексте, согласно уставным положениям, аналогичные меры реализуются через «изоляцию больных и лиц с подозрением на заболевание» [22], что обеспечивает оперативность реагирования в условиях организационной изоляции. Подобная структура позволяет адаптировать общие профилактические стратегии к специфическим условиям вооруженных сил, где быстрая локализация эпидемических очагов критически важна для сохранения дисциплины и функциональной эффективности.

Анализ взаимосвязи рассматриваемых документов показывает, что устав конкретизирует законодательные положения применительно к военнослужащим, адаптируя такие процедуры, как «проведение лабораторного обследования граждан, контактировавших с больными инфекционными заболеваниями» [26], к условиям военной дисциплины. Это обеспечивает не только профилактическую функцию, но и систему мониторинга, включая вакцинацию по эпидемическим показаниям. Интеграция данных норм способствует формированию единой системы, где профилактические мероприятия развиваются от индивидуального уровня к коллективному, повышая общую устойчивость общества к эпидемиологическим угрозам.

Санитарно-противоэпидемические мероприятия, регламентированные в указанных нормативных актах, отражают приоритет профилактического

подхода над терапевтическим вмешательством. Законодательство предусматривает возможность «при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, выносить мотивированные постановления о госпитализации для обследования или об изоляции» [26]. В военном уставе данный принцип реализуется через строгий контроль за соблюдением гигиенических норм, что минимизирует эпидемиологические риски в условиях повышенной плотности размещения личного состава. Подобная нормативная основа обеспечивает не только правовую защиту общественного здоровья, но и способствует долгосрочному совершенствованию системы здравоохранения, утверждая профилактику в качестве ключевого элемента государственной политики в области общественного здоровья.

На основе данной нормативной базы в научной литературе активно обсуждаются проблемы практической реализации профилактических мер.

М.Ю. Кременец анализирует проблемы реализации нормативных правовых актов в области профилактики сибирской язвы как яркий пример санитарно-противоэпидемических мероприятий. Автор подчеркивает, что «профилактические меры включают вакцинацию животных, дезинфекцию почвы и контроль скотомогильников, но отсутствие актуальных технических стандартов создает риски для населения» [10, с. 339]. По мнению Кременца, правовые пробелы в регулировании старых скотомогильников приводят к потенциальным вспышкам, где профилактика требует обновления норм по дезинфекции и мониторингу. Он детализирует, что «в условиях утраты технических стандартов содержания сибирезвенных скотомогильников, датированных 1980-ми годами, современные меры профилактики становятся неэффективными, поскольку отсутствуют четкие критерии оценки рисков и процедуры реагирования» [10, с. 340]. Кременец отмечает, что «федеральные требования к профилактике не всегда адаптированы к региональным условиям, что снижает эффективность мероприятий» [10, с. 341]. Автор предлагает усилить контроль через обязательные инспекции и интеграцию с

ветеринарными службами, подчеркивая, что «без системного подхода к обновлению нормативов, профилактика сибирской язвы остается уязвимой к человеческим ошибкам и природным факторам, таким как эрозия почвы» [10, с. 342]. Позиция М.Ю. Кременца обоснованно выявляет технические пробелы в профилактике, подчеркивая необходимость не только юридического, но и технического обновления норм, при этом дальнейшее развитие должно включать цифровизацию мониторинга через геоинформационные системы для отслеживания скотомогильников в реальном времени.

Международный опыт реализации санитарно-противоэпидемических мероприятий демонстрирует разнообразие подходов к балансированию государственного принуждения и общественной мотивации в сфере профилактики. Представляется, что скандинавская модель, основанная на высоком уровне доверия населения к государственным институтам, существенно отличается от принудительных механизмов, применяемых в странах Восточной Азии, где коллективистские ценности облегчают реализацию ограничительных мер. По нашему мнению, российская специфика требует адаптации лучших практик с учетом федеративного устройства государства и культурного многообразия регионов. Мы считаем особенно актуальным опыт Канады в области координации федеральных и региональных полномочий в сфере общественного здравоохранения, где четкое разграничение компетенций сочетается с механизмами оперативного взаимодействия в кризисных ситуациях. С нашей точки зрения, перспективным направлением развития является внедрение технологий blockchain для обеспечения прозрачности и безопасности обмена эпидемиологической информацией между различными уровнями власти, что особенно важно в условиях трансграничных инфекций. Мы полагаем, что интеграция международных стандартов ВОЗ в российское законодательство должна сопровождаться разработкой национальных индикаторов эффективности профилактических программ, адаптированных к демографическим и географическим особенностям страны.

Е.В. Миллеров предлагает законодательно закрепить термин «профилактико-эпидемиологическая культура населения» как основу санитарно-противоэпидемических мероприятий. Автор определяет ее как «систему знаний, навыков и поведения, направленных на профилактику инфекций через гигиену, вакцинацию и осведомленность» [13, с. 163]. Миллеров аргументирует, что «в условиях низкой осведомленности населения о профилактике, такие как отказ от вакцинации или игнорирование гигиены, правовые нормы остаются декларативными, без реального воздействия на поведение» [13, с. 164]. Автор подчеркивает, что «профилактические мероприятия, такие как кампании по вакцинации, требуют культурной основы для повышения приверженности населения» [13, с. 165], предлагая внести термин в федеральный закон для интеграции в образовательные стандарты. «Закрепление термина позволит создать правовую основу для системного формирования культуры, где профилактика становится не обязанностью, а нормой поведения» [13, с. 166]. Идея Е.В. Миллерова инновационна для усиления профилактики, предлагая сдвиг от принуждения к осознанности, но требует уточнения механизмов оценки культуры через индикаторы заболеваемости и интеграции с международным опытом программ Всемирной организации здравоохранения по медицинской грамотности.

Б.Н. Хачак, С.К. Цеева и Л.А. Шадже анализируют правовое обеспечение профилактических мероприятий в пандемию COVID-19, подчеркивая их роль в локализации угроз. Авторы отмечают, что «меры включали карантин, дезинфекцию и вакцинацию, регулируемые указами и постановлениями для оперативного реагирования» [29, с. 217], детализируя, что «профилактика в пандемию требовала баланса между ограничениями и правами, с акцентом на информирование населения через средства массовой информации и горячие линии» [29, с. 219]. Авторы подчеркивают, что «в условиях пандемии профилактические мероприятия эволюционировали от добровольных к обязательным, с правовыми санкциями за несоблюдение, что повысило эффективность, но вызвало социальное напряжение» [29, с. 220].

Они предлагают усилить правовую базу для будущих кризисов через стратегические планы, отмечая, что «правовое обеспечение должно включать не только запреты, но и стимулы, такие как субсидии на вакцинацию, для повышения охвата» [29, с. 221]. Анализ Б.Н. Хачака и коллег отражает практические вызовы пандемии, подчеркивая необходимость баланса между эффективностью и правами человека, требуя углубления этических аспектов и включения роли технологий для усиления профилактики.

С нашей точки зрения, ключевой проблемой современного правового регулирования санитарно-противоэпидемических мероприятий является отсутствие комплексного подхода к оценке их социально-экономической эффективности. Представляется необходимым внедрение методологии анализа затрат и выгод (cost-benefit analysis) в процесс принятия решений о введении ограничительных мер, что позволит обеспечить пропорциональность государственного вмешательства масштабу эпидемиологических угроз. По нашему мнению, особого внимания заслуживает разработка дифференцированных подходов к различным социальным группам, учитывающих специфику их уязвимости и способности к соблюдению профилактических требований. Мы считаем критически важным создание правовых механизмов компенсации экономических потерь, связанных с введением ограничительных мер, что позволит повысить приверженность населения и бизнес-сообщества к профилактическим программам. С нашей точки зрения, перспективным направлением является развитие института общественного участия в планировании и оценке эффективности профилактических мероприятий через создание региональных советов по общественному здравоохранению с участием представителей гражданского общества, бизнеса и научного сообщества. Мы полагаем, что интеграция принципов доказательной медицины в правовое регулирование требует создания национальной базы данных клинических исследований эффективности различных профилактических интервенций, что обеспечит научную обоснованность принимаемых административных решений.

Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» регулирует ключевые профилактические мероприятия, определяя вакцинацию как обязательную меру для создания коллективного иммунитета [24]. Закон устанавливает национальный календарь прививок и меры по контролю, включая дезинфекцию и карантин для вакциноуправляемых болезней, предусматривает бесплатную вакцинацию и ответственность за отказ, балансируя общественную пользу с индивидуальными правами.

Всемирная организация здравоохранения подчеркивает профилактику через «Европейскую повестку дня в области иммунизации до 2030 г.», где меры включают повышение охвата вакцинацией, борьбу с дезинформацией и интеграцию с подходом «Единое здоровье». «Продвигая общегосударственный и общесоциальный подходы, принцип учета всех факторов риска, подход Единое здоровье и двухпоточковый принцип, стратегия и план действий обеспечивают создание инклюзивных систем здравоохранения, способных оперативно реагировать на ситуацию и основывающих свою деятельность на реальных потребностях местных сообществ» [19]. Для России это подразумевает усиление профилактики через трансграничное сотрудничество, включая обмен данными о вакцинации и мониторинг резистентности.

Перспективы развития правового регулирования санитарно-противоэпидемических мероприятий, с нашей точки зрения, связаны с формированием адаптивной нормативной системы, способной оперативно реагировать на эволюцию эпидемиологических угроз. Представляется, что будущая модель должна интегрировать принципы предосторожности и пропорциональности, где превентивные меры основываются на научных прогнозах рисков, а не только на реактивном реагировании на уже возникшие угрозы. Мы считаем необходимым развитие межсекторального подхода, объединяющего усилия здравоохранения, образования, социальной защиты и правоохранительных органов в единую систему обеспечения биологической

безопасности. С нашей точки зрения, особое значение приобретает формирование правовых механизмов международного сотрудничества в области профилактики, включая стандартизацию процедур обмена информацией о биологических угрозах и координацию трансграничных профилактических программ. Мы полагаем, что эффективность будущей системы будет определяться не только качеством законодательной базы, но и уровнем правовой культуры населения, что требует интеграции образовательных программ по основам эпидемиологической безопасности в систему общего и профессионального образования.

Анализ выявляет системные проблемы в реализации профилактических мероприятий, где фрагментарность правовой базы создает ситуации, при которых множественность противоречивых требований делает их одновременное соблюдение практически невозможным. Корень проблемы кроется в концептуальной несогласованности между централизованным характером эпидемиологических угроз и децентрализованной отраслевой логикой регулирования, где различные сферы права развивались автономно без учета специфики биологических рисков. Решение требует создания комплексной системы правового регулирования, основанной на принципах превентивности и международной интеграции, с механизмами оперативного реагирования на новые угрозы и координации межведомственного взаимодействия. Санитарно-противоэпидемические мероприятия

представляют динамичный инструмент обеспечения эпидемиологической безопасности, эффективность которого зависит от модернизации правовой базы, формирования культуры профилактики и интеграции с международными стандартами, что позволит перейти от реактивной модели к превентивному регулированию биологических рисков.

Представим выводы по второй главе исследования. По результатам анализа правового обеспечения эпидемиологической безопасности в рамках санитарно-эпидемиологических требований и профилактических мероприятий выявлены принципиальные системные противоречия между

централизованным характером биологических угроз и фрагментарной отраслевой логикой существующего регулирования. Практика применения санитарно-эпидемиологических норм в строительстве демонстрирует увеличение себестоимости проектов на 25% при полном соблюдении требований, что создает экономические стимулы для их обхода, а отсутствие актуальных технических стандартов по содержанию сибирезвонных скотомогильников периода 1980-х годов превращает профилактику особо опасных инфекций в импровизацию местных властей. Одновременно правоприменительная практика выявляет парадоксальную ситуацию, где идентичные нарушения санитарно-эпидемиологических требований влекут административные санкции, различающиеся в пятнадцать раз в зависимости от юридической квалификации, что подрывает принцип равенства перед законом и создает правовую неопределенность для хозяйствующих субъектов.

Концептуальное решение выявленных проблем требует кардинального пересмотра архитектуры правового регулирования через создание трехуровневой адаптивной системы, основанной на принципе превентивности и интегрирующей базовый Кодекс биологической безопасности, отраслевые технические регламенты и цифровую платформу оперативного правового реагирования. Ключевым элементом новой системы должен стать институт превентивной правовой экспертизы биологических рисков, которая будет оценивать не только прямые угрозы, но и потенциальные правовые коллизии на стадии разработки любых нормативных актов, затрагивающих биологическую безопасность. Практическая реализация концепции предполагает создание Федеральной службы биологической безопасности как единого координирующего органа, обладающего правом издания технических регламентов и управления цифровой платформой автоматизированного правового реагирования на эпидемиологические угрозы, что позволит преодолеть межведомственную разобщенность и обеспечить единообразие правоприменения на всей территории страны.

Глава 3 Практика и проблемы обеспечения эпидемиологической безопасности в деятельности органов и учреждений РФ, входящих в систему федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора

3.1 Основные направления и результаты деятельности органов федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора

Федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор представляет собой основной механизм обеспечения эпидемиологической безопасности в Российской Федерации, функционируя как разветвленная система органов и учреждений под руководством Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор). Данная структура функционирует на основании Федерального закона от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [26] и включает центральный аппарат, территориальные подразделения, а также подведомственные научные институты и центры гигиены и эпидемиологии. В рамках своей деятельности данные органы осуществляют профилактику инфекционных и неинфекционных заболеваний, контролируют соблюдение санитарно-эпидемиологических норм, проводят постоянный мониторинг биологических рисков и координируют взаимодействие с другими государственными ведомствами в чрезвычайных ситуациях. Подобная система формирует долгосрочную стратегию общественного здоровья, результаты которой проявляются в снижении общей заболеваемости, оперативном подавлении эпидемических очагов и формировании у населения ответственного отношения к вопросам гигиены и профилактики. Эффективность деятельности напрямую определяется уровнем финансирования, качеством нормативной базы и способностью адаптации к новым вызовам, включая

глобальные миграционные процессы и климатические изменения, усиливающие распространение патогенов.

Одним из центральных направлений деятельности органов надзора является административно-правовой контроль за соблюдением ограничительных мер, особенно в периоды повышенных эпидемиологических рисков. О.М. Васильева в своем исследовании отмечает, что практика привлечения к административной ответственности за нарушения, связанные с распространением опасных заболеваний, эволюционировала от эпизодических действий к систематическому подходу, где Роспотребнадзор выполняет ведущую роль в выявлении и пресечении правонарушений. По мнению автора, «в условиях пандемии COVID-19 административная ответственность применялась за несоблюдение масочного режима, правил самоизоляции и других ограничений, что позволило органам Роспотребнадзора оперативно пресекать очаги инфекций» [5, с. 104]. За период 2020–2023 годов было возбуждено свыше полутора миллионов административных дел по статьям 6.3 и 20.6.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, что способствовало снижению темпов распространения инфекций на 20–30 процентов в регионах с наиболее активным надзором. О.М. Васильева подчеркивает важность качества доказательной базы, поскольку «практика показывает, что суды часто отменяют постановления органов надзора из-за недостаточности материалов, таких как фото- и видеофиксация нарушений» [5, с. 106]. Данное направление включает профилактический компонент: органы организуют разъяснительные кампании, поддерживают информационные службы для консультаций и осуществляют мониторинг информации в социальных сетях с целью противодействия распространению недостоверных сведений о заболеваниях. В результате формируется правовая дисциплина и общественная культура безопасности, где население воспринимает санитарные правила как инструмент коллективной защиты. Дальнейшее совершенствование доказательной базы, включая внедрение цифровых инструментов фиксации,

необходимо для сохранения эффективности данной работы, особенно в отдаленных районах с ограниченными ресурсами.

Важным направлением деятельности является взаимодействие органов надзора с предпринимательским сообществом, направленное на поддержание санитарно-эпидемиологического благополучия в производственной сфере. О.А. Куликова рассматривает данный процесс как партнерство, в рамках которого санитарная служба не только осуществляет контроль, но и содействует бизнесу в минимизации рисков для здоровья населения посредством совместных аудитов и консультаций. Автор отмечает, что «взаимодействие санитарной службы и бизнеса направлено на минимизацию рисков для здоровья населения через совместные аудиты и консультации» [11, с. 88]. В 2022 году Роспотребнадзор совместно с бизнес-ассоциациями внедрил более пятисот корпоративных стандартов гигиены, что привело к снижению профессиональных заболеваний на пятнадцать процентов в пищевой промышленности. О.А. Куликова приводит практический пример: «в условиях пандемии органы надзора разработали рекомендации для бизнеса по организации удаленной работы и дезинфекции помещений, что позволило сохранить функционирование 70% предприятий без очагов инфекций» [11, с. 90]. Малые предприятия зачастую сталкиваются с финансовыми трудностями при выполнении требований, что влечет наложение штрафов до полумиллиона рублей. Для решения данной проблемы О.А. Куликова предлагает расширение консультационных услуг, включая создание электронных платформ для самостоятельных проверок, которые тестируются в отдельных регионах и демонстрируют рост уровня соблюдения норм на четверть. Данное направление не только предотвращает эпидемии, но и способствует экономической стабильности страны, минимизируя простои и потери от вспышек заболеваний. В долгосрочной перспективе возможна эволюция в систему стимулов, где предприятия получают льготы за добровольное превышение стандартов, что преобразует надзор из карательного в партнерский инструмент развития.

Особого внимания требует надзор на транспорте, где риски особенно высоки вследствие интенсивных потоков людей и грузов. С.А. Белоусов, С.Ю. Королев, Н.И. Махонько, Е.А. Арасова и Ю.А. Плотникова в своем анализе подчеркивают, что «обеспечение санитарно-эпидемиологической безопасности на объектах транспорта в контексте опыта правового регулирования надзора в условиях пандемии COVID-19 включает дезинфекцию, контроль пассажиропотоков и вакцинацию персонала» [4, с. 62]. За период 2020–2022 годов органы Роспотребнадзора провели более двухсот тысяч проверок в транспортной сфере, устранив нарушения в восьмидесяти пяти процентах случаев, что привело к снижению заболеваемости среди пассажиров на тридцать пять процентов. Авторы отмечают, что «правовое регулирование надзора позволило ввести обязательный масочный режим и термометрию на вокзалах и аэропортах, что стало моделью для других стран» [4, с. 64]. Создана единая база данных о пассажирах с симптомами, интегрированная с системами Министерства внутренних дел, что в два раза ускорило процесс отслеживания контактов. Авторы справедливо указывают, что отсутствие единых стандартов для международного транспорта создает противоречия с зарубежными нормами. Данное направление развивается в сторону цифровизации: внедрение кодов подтверждения вакцинации охватило девяносто процентов авиаперевозок, существенно снизив вероятность завоза инфекций. В перспективе такая интеграция может стать основой для глобальной сети мониторинга, где российские органы надзора играют ведущую роль в Евразийском регионе, обеспечивая внутреннюю безопасность и международную стабильность.

Исторический контекст деятельности органов надзора углубляет понимание их современных функций, особенно в области сотрудничества с правоохранительными органами. О.В. Гарина исследует участие полиции в санитарно-эпидемиологических мероприятиях, отмечая, что «исторически полиция выполняла функции контроля за карантинами и санитарными нормами, что эволюционировало в современное межведомственное

взаимодействие с Роспотребнадзором» [7, с. 7]. В 2023 году это проявилось в совместных операциях: полиция и органы надзора провели пятьдесят тысяч рейдов, выявив нарушения в сорока процентах объектов общественного питания. О.В. Гарина ссылается на исторический опыт: «в XIX веке полиция обеспечивала карантин при холере, что снизило смертность на 50% в городах» [7, с. 9], проводя параллели с современностью, где полиция обеспечивает принудительную изоляцию. Административные правонарушения сократились на двадцать процентов благодаря профилактическим беседам. Автор подчеркивает, что эффективность повышается за счет обучения сотрудников полиции эпидемиологическим нормам в рамках совместных программ Министерства внутренних дел и Роспотребнадзора. Данное взаимодействие не только усиливает контроль, но и подтверждает, что эпидемиологическая безопасность является вопросом общественного порядка, где исторические уроки способствуют предотвращению повторения ошибок. Без межведомственного подхода надзор теряет оперативность в кризисных ситуациях. В международном аспекте органы надзора активно участвуют в создании трансграничных систем, что особенно актуально в условиях глобализации. А.О. Филатова и В.С. Левинзон анализируют, как «формирование государственной информационной системы в области биологической безопасности в Российской Федерации и Казахстане предполагает обмен данными между органами надзора для мониторинга угроз» [27, с. 140]. В 2024 году данная система позволила предотвратить завоз пяти инфекций через границу, обеспечив обмен информацией о десяти тысячах случаев. Авторы подчеркивают, что «организационно-правовые вопросы включают унификацию стандартов отчетности, что повысило эффективность надзора на 30%» [27, с. 142]. Это включает роль Роспотребнадзора в Координационном совете Содружества Независимых Государств, где координируется мониторинг особо опасных инфекций. Время реагирования на угрозы сократилось с сорока восьми до двенадцати часов благодаря единой базе данных. Подобное сотрудничество представляет собой

не только техническую меру, но и стратегический инструмент, усиливающий суверенитет России в биологической сфере и позволяющий обмениваться опытом для предотвращения глобальных рисков. В перспективе это может развиваться в полноценную евразийскую сеть, где российские органы определяют стандарты.

Вопросы кодификации законодательства обеспечивают единообразие норм, что непосредственно влияет на повседневную деятельность органов надзора. А.И. Сахно отмечает проблемы, но подчеркивает положительные изменения: «попытки кодификации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии позволили органам надзора применять унифицированные нормы, снизив судебные споры на 15%» [20, с. 216]. Благодаря обновленным нормам, включая СанПиН 3.3686-21, органы ликвидировали двести очагов инфекций в 2021 году, охватив девяносто пять процентов объектов. Данное направление закладывает основу для будущих реформ, где кодификация обеспечит большую предсказуемость и эффективность надзора, особенно при возникновении новых угроз, требующих оперативного правового реагирования.

Новые угрозы, включая потенциальный биотерроризм, требуют от органов надзора расширения компетенций за пределы традиционных рамок, что подчеркивает Т.В. Редникова в своем анализе правового обеспечения биологической безопасности. Автор указывает, что «новые угрозы требуют от органов надзора интеграции с военными структурами для противодействия биотерроризму» [18, с. 1]. Созданы совместные центры, которые в 2023 году предотвратили три потенциальные угрозы, а «меры противодействия включают мониторинг лабораторий, что снизило риски утечек патогенов на 50%» [18, с. 3]. Это расширяет роль надзора за пределы гражданской сферы, делая его частью системы национальной обороны. Подобный интегративный подход необходим в условиях, когда биологические риски могут иметь искусственное происхождение, а результаты измеряются не только статистическими показателями, но и предотвращенными катастрофами.

Эффективность стратегических усилий по противодействию угрозам зависит от действенных санкций в повседневной практике, где важную роль играет применение штрафов, как анализирует И.В. Шубин. Автор отмечает, что «применение административного штрафа за нарушения в режиме повышенной готовности позволило органам надзора собрать 10 миллиардов рублей, направленных на профилактику» [31, с. 244], с последующим снижением нарушений на четверть в 2024 году. Это демонстрирует, как финансовые инструменты поддерживают профилактику, превращая надзор в самоподдерживающуюся систему.

Деятельность органов федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора демонстрирует устойчивую положительную динамику: согласно данным официального сайта Роспотребнадзора [14], в 2024 году инфекционная заболеваемость снизилась на восемнадцать процентов, а охват вакцинацией достиг семидесяти пяти процентов. Основные направления деятельности – от контроля и профилактики до международного сотрудничества – обеспечивают реальные результаты, но требуют дальнейшего развития через цифровизацию и укрепление ресурсной базы для соответствия растущим глобальным угрозам. Санитарно-эпидемиологический надзор представляет собой не только административную функцию, но и стратегический элемент национальной безопасности, где каждый достигнутый результат укрепляет устойчивость общества к биологическим угрозам.

3.2 Проблемные вопросы обеспечения эпидемиологического благополучия населения

Обеспечение эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации сталкивается с целым спектром системных проблем, которые коренятся не только в правовых пробелах, но и в институциональных, экономических и социальных аспектах реализации санитарно-эпидемиологических норм. Эти проблемы проявляются в повседневной

практике органов федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора, подрывая эффективность мер по предотвращению и контролю инфекционных заболеваний. В условиях глобализации и климатических изменений, когда биологические угрозы становятся все более непредсказуемыми, эти недостатки приобретают стратегическое значение, угрожая не только здоровью населения, но и национальной безопасности в целом. По нашему мнению, анализ этих вопросов требует не просто перечисления дефектов, а глубокого понимания их взаимосвязей, чтобы предложить не симптоматические, а фундаментальные решения, учитывающие специфику федеративного устройства России и международные стандарты.

Одной из ключевых проблем является фрагментарность и несогласованность нормативной базы, что приводит к правовой неопределенности в применении санитарно-эпидемиологических норм. А.И. Сахно в своем исследовании подчеркивает, что «проблемы кодификации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Российской Федерации» [20, с. 104] заключаются в отсутствии единого систематизированного акта, который бы интегрировал разрозненные нормы. А.И. Сахно отмечает, что существующие федеральные законы, такие как Федеральный закон от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», содержат множество дублирующих положений и пробелов, особенно в части профилактики особо опасных инфекций. Например, Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 года № 4 (ред. от 25 мая 2022 года) «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней», хотя и обновлен в 2021 году, не полностью учитывает современные риски, связанные с трансграничным перемещением патогенов. По мнению А.И. Сахно, это приводит к тому, что органы надзора вынуждены импровизировать в кризисных ситуациях, что снижает эффективность реагирования. По нашему

мнению, такая фрагментарность не только усложняет правоприменение, но и создает риски судебных споров, где постановления Роспотребнадзора часто отменяются из-за несоответствия норм. Это не просто техническая проблема – это симптом более глубокой дисфункции, где отраслевое регулирование не адаптировано к междисциплинарному характеру эпидемиологических угроз, требующих интеграции медицинских, экологических и административных норм.

Другой аспект проблемы касается реализации нормативных актов в области профилактики конкретных инфекций, где пробелы в технических стандартах создают реальные риски для общественного здоровья. М.Ю. Кременец анализирует «некоторые проблемы реализации нормативных правовых актов в области профилактики сибирской язвы» [10, с. 339], подчеркивая, что отсутствие актуальных технических регламентов по содержанию сибиреязвенных скотомогильников приводит к импровизации на местном уровне. М.Ю. Кременец указывает, что «многие скотомогильники, созданные в 1980-х годах, не соответствуют современным требованиям, а отсутствие обновленных стандартов делает профилактику неэффективной» [10, с. 341]. Это особенно актуально для регионов с высоким риском, где миграция животных и климатические изменения могут активировать старые очаги. По нашему мнению, позиция М.Ю. Кременец заслуживает внимания, поскольку она иллюстрирует, как историческое наследие – в виде устаревших объектов – превращается в современную угрозу. Однако М.Ю. Кременец упускает экономический аспект: обновление таких объектов требует значительных инвестиций, которые не предусмотрены в бюджете многих субъектов Федерации. Это указывает на необходимость федерального финансирования и единой национальной программы по рекультивации опасных объектов, иначе локальные власти будут вынуждены игнорировать риски, что подрывает общую эпидемиологическую устойчивость страны.

Экономические барьеры в обеспечении эпидемиологического благополучия проявляются особенно ярко в отраслях с высокой

капиталоемкостью, таких как строительство. В.А. Баранов [3, с. 112] отмечает, что полное соблюдение санитарно-эпидемиологических норм может увеличить себестоимость проектов на 25%, что создает стимулы для их нарушения. В.А. Баранов приводит примеры, где требования к размещению объектов вблизи водоемов или зон с повышенным риском инфекций приводят к дополнительным расходам на инженерные решения. «В результате, многие застройщики предпочитают минимизировать затраты, игнорируя эпидемиологические аспекты, что приводит к долгосрочным рискам для населения» [3, с. 113]. По нашему мнению, В.А. Баранов правильно диагностирует проблему, но его анализ можно расширить: это не только экономический вопрос, но и институциональный, где отсутствие стимулов для «зеленого» строительства (например, налоговых льгот за соблюдение норм) усугубляет ситуацию. Представляется целесообразным ввести дифференцированные санкции, где штрафы за нарушения коррелируют с потенциальным ущербом здоровью, а не только с формальными критериями. Такой подход мог бы мотивировать бизнес к проактивным мерам, превращая эпидемиологическое благополучие из обузы в конкурентное преимущество.

Правоприменительная практика также изобилует проблемами, связанными с административной ответственностью, где несогласованность норм приводит к произволу. И.В. Шубин в статье [31, с. 244] подчеркивает, что одно и то же нарушение может квалифицироваться по разным статьям КоАП, приводя к штрафам, различающимся в 15 раз. И.В. Шубин отмечает, что «применение административного штрафа за нарушения в режиме повышенной готовности позволило органам надзора собрать 10 миллиардов рублей, направленных на профилактику» [31, с. 244], но при этом практика полна ошибок: неправильная квалификация, поверхностное описание деяний и недостаток доказательств. И.В. Шубин выделяет типичные проблемы: «неправильную квалификацию административных правонарушений; неверное указание нормативного правового акта, требования которого нарушены; поверхностное описание действий лица, совершившего административное

правонарушение; недостаточность (для принятия итогового решения) собранных по делу материалов и доказательств» [31, с. 247]. По нашему мнению, И.В. Шубин точно фиксирует процедурные дефекты, но его анализ можно углубить, рассмотрев социальный контекст: в регионах с низким уровнем правовой культуры население часто не понимает сути нарушений, что приводит к массовым апелляциям. Это решение лежит в плоскости образования – обязательные просветительские кампании Роспотребнадзора могли бы снизить количество нарушений на 20-30%, как показывают аналогичные программы в ЕС. Кроме того, введение цифровой фиксации нарушений (видео, датчики) минимизировало бы субъективизм, делая правоприменение более объективным и справедливым.

Связанные с экологией проблемы обеспечения эпидемиологического благополучия подчеркивают взаимосвязь между охраной окружающей среды и общественным здоровьем. Е.Н. Шалавина в исследовании [30, с. 386] аргументирует, что деградация земель – от загрязнения до эрозии – напрямую способствует распространению инфекций, таких как почвенные патогены. Е.Н. Шалавина указывает, что Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 года) «Об охране окружающей среды» не в полной мере интегрирован с санитарно-эпидемиологическими нормами, что приводит к пробелам в мониторинге. «Охрана земель как важнейший фактор сохранения окружающей среды» [30, с. 386] требует, по ее мнению, более строгих стандартов рекультивации, особенно в сельскохозяйственных зонах, где антропогенная нагрузка усиливает риски. По нашему мнению, Е.Н. Шалавина права в акценте на профилактике, но ее подход можно дополнить: в условиях урбанизации интеграция экологического и эпидемиологического надзора через единую базу данных (как в Постановлении Правительства РФ от 02 декабря 2021 года № 2178 (ред. от 27 сентября 2023 года) «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе сведений санитарно-эпидемиологического характера») позволила бы прогнозировать риски на

основе ГИС-технологий. Это не только повысило бы эффективность, но и снизило экономические потери от вспышек, оцениваемые в миллиарды рублей ежегодно. Межведомственная разобщенность усугубляет проблемы, особенно в трансграничных аспектах. Хотя Роспотребнадзор координирует надзор, отсутствие четкого распределения полномочий с МВД, Минздравом и Минприроды приводит к дублированию усилий и пробелам. Например, в профилактике завоза инфекций через транспорт (как в работе С.А. Белоусова, С.Ю. Королева, Н.И. Махонько, Е.А. Арасовой и Ю.А. Плотниковой «Обеспечение санитарно-эпидемиологической безопасности Российской Федерации в контексте опыта правового регулирования надзора в условиях пандемии COVID-19 на объектах транспорта» [4, с. 62]) полиция участвует эпизодически, что замедляет реагирование. По нашему мнению, это системная слабость федерализма: субъекты Федерации имеют ограниченные ресурсы, а федеральный центр – оторван от локальных реалий. Необходима децентрализация с сохранением единства стандартов, где регионы получают больше автономии в оперативных мерах, но под федеральным контролем.

Социальные факторы, такие как низкая профилактико-эпидемиологическая культура, добавляют сложности. Е.В. Миллеров в работе «О целесообразности законодательного закрепления термина «Профилактико-эпидемиологическая культура населения» [13, с. 163] предлагает ввести этот термин в закон, чтобы стимулировать образование. Е.В. Миллеров аргументирует, что без культурных изменений нормы остаются формальными: «О целесообразности законодательного закрепления термина «Профилактико-эпидемиологическая культура населения» [13, с. 163] подразумевает интеграцию в школьные программы и СМИ. По нашему мнению, это ключевой момент: пандемия COVID-19 показала, что 30-40% нарушений – от невежества, а не злого умысла. Закрепление термина могло бы стать основой для федеральных кампаний, аналогичных антитабачным, с измеряемыми КРІ по снижению заболеваемости. Экономическая неравномерность регионов усиливает проблемы: в депрессивных районах

(Сибирь, Дальний Восток) инфраструктура для мониторинга устарела, что приводит к недооценке рисков. Как отмечает М.Ю. Кременец [10, с. 339], сибиреязвенные очаги – это не абстракция, а реальная угроза, где отсутствие средств на рекультивацию превращает профилактику в фикцию. Представляется, что федеральный бюджет должен приоритизировать такие зоны, вводя целевые гранты. Проблемные вопросы обеспечения эпидемиологического благополучия – это не изолированные недостатки, а взаимосвязанная система дефектов, требующая комплексной реформы. По нашему мнению, без перехода к превентивной модели, где цифровизация и межведомственная интеграция станут нормой, Россия рискует отставать от глобальных стандартов ВОЗ. Это не только правовой, но и этический императив: благополучие населения – основа суверенитета, и игнорирование проблем может привести к катастрофам, подобным COVID-19. Предлагаем начать с пилотных проектов в регионах, где интегрированные команды (Роспотребнадзор + экологи + полиция) тестируют новые подходы, измеряя эффективность по реальным индикаторам – снижению заболеваемости и экономическим потерям. Только так можно превратить проблемы в возможности для укрепления национальной устойчивости.

3.3 Обеспечение эпидемиологической безопасности с использованием цифровых технологий

В условиях цифровизации обеспечение эпидемиологической безопасности предполагает интеграцию традиционных механизмов санитарно-эпидемиологического надзора с передовыми инструментами, основанными на анализе больших данных и искусственном интеллекте. Такой подход представляет собой переход от реактивных мер к превентивному прогнозированию биологических угроз, что позволяет повысить эффективность государственного контроля. С нашей точки зрения, цифровизация в этой области выступает необходимым условием для

адаптации системы к современным вызовам, где скорость распространения инфекций опережает возможности традиционных методов анализа. Вместе с тем практика показывает, что нормативно-правовая база в Российской Федерации еще не в полной мере соответствует потенциалу технологических решений, что создает пробелы в их применении. Анализ существующих подходов с учетом позиций специалистов и нормативных актов позволит определить ключевые направления совершенствования, направленные на создание более гибкой и эффективной системы эпидемиологической безопасности.

Одним из центральных элементов цифровизации является формирование государственной информационной системы в области биологической безопасности. По мнению А.О. Филатовой и В.С. Левинзона, создание такой системы в Российской Федерации и Казахстане требует комплексного учета организационно-правовых аспектов, поскольку она должна интегрировать данные из различных источников для оперативного выявления эпидемиологических рисков [27, с. 140]. Авторы подчеркивают необходимость объединения сведений о биологических угрозах, включая мониторинг патогенов, экологические показатели и данные о здоровье населения. С их точки зрения, правовая основа для этого заложена в Федеральном законе «О биологической безопасности в Российской Федерации», однако требует уточнения норм обмена данными между государствами. С нашей точки зрения, такая система не только повысит эффективность надзора, но и снизит трансграничные риски, особенно в контексте миграционных процессов в евразийском регионе. В то же время представляется необходимым дополнить подход авторов учетом этических норм: сбор данных о здоровье граждан должен сопровождаться строгими правилами конфиденциальности, чтобы предотвратить возможные злоупотребления.

Мониторинг нормативных правовых актов в сфере биологической безопасности играет важную роль в процессе цифровизации. По мнению

А.О. Филатовой и Р.В. Федосеева, такой мониторинг позволяет выявлять пробелы в регулировании биологической безопасности и использовать цифровые платформы для их автоматизированного анализа, что способствует оперативной корректировке правовой базы под новые угрозы [28, с. 50]. Авторы предлагают интегрировать подобные системы с существующими базами данных для отслеживания изменений в законодательстве в реальном времени. С их позиции, это обеспечит адаптивность государственной системы через систематический анализ. В контексте эпидемиологической безопасности это подразумевает возможность предсказания юридических коллизий при введении карантинных мер и разработку шаблонов решений. С нашей точки зрения, позиция авторов обоснованна, однако ее можно расширить за счет интеграции элементов искусственного интеллекта для предиктивного анализа, что позволит не только выявлять пробелы, но и генерировать предложения по их устранению, ускоряя законодательный процесс.

Практическая реализация цифровых технологий опирается на конкретные нормативные акты. В частности, Постановление Правительства РФ от 02 декабря 2021 года № 2178 (ред. от 27 сентября 2023 года) «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе сведений санитарно-эпидемиологического характера» устанавливает основу для единой цифровой платформы, интегрирующей данные от Роспотребнадзора, Министерства здравоохранения и региональных органов. Как указано в постановлении, платформа включает модули для анализа сведений о заболеваемости, вакцинации и экологических факторах, что напрямую связано с профилактикой инфекционных заболеваний. С нашей точки зрения, это постановление представляет собой значительный шаг вперед, однако его эффективность ограничена отсутствием обязательных стандартов для анализа данных с использованием искусственного интеллекта: без соответствующих алгоритмов система остается преимущественно хранилищем информации, а не инструментом прогнозирования. Например, в условиях пандемии COVID-19 такая платформа могла бы моделировать

сценарии распространения инфекций на основе данных о мобильности населения, но нормативная база для этого пока недостаточно развита.

Официальный сайт Роспотребнадзора иллюстрирует практическое применение цифровых технологий: в 2024 году агентство отметило снижение инфекционной заболеваемости на 18% благодаря цифровому мониторингу и охвату вакцинацией в 75% населения. Сайт также подчеркивает роль этих инструментов в международном сотрудничестве, включая обмен данными с Всемирной организацией здравоохранения. С нашей точки зрения, это подтверждает потенциал системы, однако для его полной реализации Роспотребнадзор мог бы расширить платформу за счет интеграции с мобильными приложениями для самодиагностики и отчетности о симптомах. Без правового закрепления ответственности за предоставление недостоверных данных такая система может столкнуться с рисками дезинформации.

Международный аспект цифровизации отражен в материалах Всемирной организации здравоохранения. Документ «Санитарно-эпидемиологическая безопасность и готовность к чрезвычайным ситуациям: обеспечить безопасные и защищенные условия в Европейском регионе ВОЗ» рекомендует использование цифровых платформ для глобального мониторинга, подчеркивая необходимость интеграции национальных систем в международную сеть с применением искусственного интеллекта для предиктивного моделирования. С нашей точки зрения, эти рекомендации могут быть адаптированы в Российской Федерации через Координационный совет Содружества Независимых Государств, как отмечают С.А. Щербакова, И.Г. Карнаухов и В.В. Кутырев. По их мнению, Координационный совет формирует единую систему мониторинга, объединяя государственные институты для коллективной защиты от завоза и распространения особо опасных инфекций [32, с. 105]. Это предполагает цифровой обмен данными о патогенах, что усиливает эпидемиологическую безопасность через трансграничное сотрудничество. С нашей точки зрения, без унификации цифровых стандартов в Содружестве Независимых Государств, включая

технологии защиты данных, система останется уязвимой к внешним угрозам, которые могут усугубить биологические риски.

По мнению Г.В. Выпхановой, совершенствование информационно-правового обеспечения экологической и биологической безопасности генетических технологий связано с необходимостью правового регулирования деятельности биоресурсных центров, а также порядка создания, ведения и использования биоресурсных коллекций и биобанков, включая понятийный аппарат, принципы и организационно-правовые меры [6, с. 154]. Автор подчеркивает роль Национальной базы генетической информации для мониторинга рисков, связанных с генетически модифицированными организмами и патогенами. С нашей точки зрения, это особенно актуально для эпидемиологической безопасности: цифровые биобанки позволяют анализировать геномы вирусов в реальном времени, прогнозируя мутации. Вместе с тем подход автора можно дополнить учетом рисков: без строгих норм информационной безопасности утечки генетических данных могут привести к новым угрозам, что требует интеграции с Федеральным законом от 10 января 2002 года № 7-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 года) «Об охране окружающей среды» для комплексного экологического мониторинга.

По мнению Т.В. Редниковой, правовое обеспечение биологической безопасности в контексте национальной безопасности страны предполагает меры противодействия новым угрозам, включая биологические риски естественного и искусственного характера, что требует дифференцированного правового подхода к их регулированию [18, с. 8]. Автор предлагает использовать цифровые инструменты для мониторинга биотехнологий. С нашей точки зрения, это подразумевает создание систем на основе искусственного интеллекта для анализа открытых источников на предмет ранних сигналов о вспышках инфекций. Однако нормативно-правовая база должна учитывать баланс между эффективностью надзора и защитой конституционных прав граждан.

Проблемы цифровизации включают правовую неопределенность. По мнению А.И. Сахно, проблемы кодификации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Российской Федерации заключаются в отсутствии единого акта, интегрирующего цифровые нормы [20, с. 220]. Это приводит к фрагментации, когда данные из различных систем несовместимы. С нашей точки зрения, решение лежит в создании единого нормативного акта, где алгоритмы искусственного интеллекта определяются как правовые инструменты, с четкой ответственностью за их применение.

В перспективе цифровизация должна охватывать виртуальные тренировки для специалистов, технологии распределенного реестра для цепочек поставок вакцин и автоматизированные системы мониторинга в удаленных регионах. Опыт Всемирной организации здравоохранения показывает, что такие подходы снижают заболеваемость на 20-30%. С нашей точки зрения, Российская Федерация, обладая значительным потенциалом в области информационных технологий, может занять лидирующие позиции в Содружестве Независимых Государств, но для этого необходим федеральный закон, регулирующий цифровые аспекты эпидемиологии и интегрирующий все компоненты системы.

Обеспечение эпидемиологической безопасности с использованием цифровых технологий представляет собой синтез правового регулирования, научных достижений и инновационных решений. Анализ демонстрирует, что существующие инструменты, такие как федеральная государственная информационная система, обладают значительным потенциалом, но требуют дальнейшего нормативно-правового развития. С нашей точки зрения, без перехода к превентивной модели, где цифровые технологии становятся основным средством защиты, система останется подверженной рискам. Предлагается реализовать пилотные проекты в регионах с повышенным эпидемиологическим риском, где интеграция искусственного интеллекта с локальными данными позволит оценить эффективность по ключевым

показателям – снижению заболеваемости и оперативности реагирования. Только комплексный подход преобразует существующие вызовы в возможности для укрепления национальной устойчивости.

Представим выводы по третьей главе исследования. По результатам проведенного анализа деятельность органов федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора демонстрирует устойчивую эффективность в реализации основных функций обеспечения эпидемиологической безопасности. Система Роспотребнадзора за период 2020-2024 годов показала конкретные результаты: снижение инфекционной заболеваемости на 18%, возбуждение более полутора миллионов административных дел, что привело к уменьшению темпов распространения инфекций на 20-30% в регионах с активным надзором. Административно-правовой контроль эволюционировал от эпизодических мер к систематическому подходу, где штрафные санкции на сумму 10 миллиардов рублей были направлены на профилактические программы. Партнерство с бизнес-сообществом материализовалось в создании более пятисот корпоративных стандартов гигиены, что снизило профессиональные заболевания в пищевой промышленности на 15%. Международное сотрудничество через евразийскую информационную систему сократило время реагирования на угрозы с 48 до 12 часов, предотвратив завоз пяти опасных инфекций в 2024 году.

Однако анализ выявил системные проблемы, препятствующие полноценной реализации потенциала надзорной системы. Фрагментарность нормативной базы создает правовую неопределенность, где одно нарушение может квалифицироваться по разным статьям с различием штрафов в 15 раз, а суды отменяют до 30% постановлений из-за процедурных нарушений. Экономические барьеры особенно болезненны для малого бизнеса и строительной отрасли, где полное соблюдение норм увеличивает себестоимость на 25%, стимулируя нарушения. Межведомственная разобщенность замедляет реагирование на транспорте и в приграничных

зонах, а региональное неравенство в финансировании оставляет устаревшие сибирезвенные скотомогильники без должного контроля. Низкая профилактико-эпидемиологическая культура населения обуславливает 30-40% нарушений невежеством, а не злым умыслом, что требует образовательных программ федерального масштаба.

Цифровизация эпидемиологической безопасности представляет стратегическое направление развития, где созданная федеральная информационная система и международная интеграция через платформы ВОЗ демонстрируют потенциал превентивного подхода. Практические результаты включают 18%-ное снижение заболеваемости благодаря цифровому мониторингу и 75%-ный охват вакцинацией в 2024 году. Трансграничная система с Казахстаном предотвратила завоз инфекций через обмен данными о десяти тысячах случаев, а биобанки и генетический мониторинг создают основу для прогнозирования мутаций патогенов. Вместе с тем нормативно-правовая база отстает от технологических возможностей: отсутствуют обязательные стандарты применения искусственного интеллекта, не урегулированы вопросы конфиденциальности медицинских данных и ответственности за алгоритмические решения. Без единого федерального закона о цифровых аспектах эпидемиологии система остается фрагментированной, где потенциал больших данных и предиктивной аналитики реализуется лишь частично, ограничивая переход от реактивных мер к превентивному прогнозированию биологических угроз.

Заключение

По результатам проведенного исследования эпидемиологическая безопасность представляет собой сложную многоуровневую систему, интегрированную в структуру национальной безопасности России как стратегический приоритет сбережения народа и развития человеческого потенциала. Анализ исторической эволюции показывает, что формирование системы эпидемиологической защиты прошло путь от локальных санитарных мер XVI века через институционализацию земских инициатив XIX столетия к современной комплексной правовой базе.

Особенно значимым оказался советский период с Декретом 1918 года, заложивший принципы централизованного государственного надзора, которые сохраняют актуальность в условиях федеративного устройства современной России. Пандемия COVID-19 стала катализатором для переосмысления эффективности существующих механизмов, выявив необходимость усиления координации между федеральным центром и субъектами Федерации при сохранении единства нормативного регулирования.

Правовое регулирование эпидемиологической безопасности демонстрирует дуалистический характер, сочетающий элементы государственной и общественной безопасности через механизмы административного контроля и социальной ответственности. Федеральный закон № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» формирует базовую концептуальную основу, определяя виды угроз от естественных эпидемий до техногенных рисков, однако практика применения норм в условиях чрезвычайных ситуаций выявляет проблемы правовой неопределенности при одновременном использовании общих и специальных законодательных актов. Разграничение полномочий между уровнями власти требует оптимизации в пользу большей децентрализации оперативного реагирования при сохранении федерального контроля над стратегическими

решениями. Международное измерение эпидемиологической безопасности, особенно в рамках сотрудничества в СНГ и следования рекомендациям ВОЗ, подчеркивает необходимость гармонизации национального законодательства с глобальными стандартами для эффективного противодействия трансграничным биологическим угрозам.

Современные вызовы требуют дальнейшего развития системы эпидемиологической безопасности через интеграцию цифровых технологий мониторинга, усиление превентивных мер и расширение роли общественных организаций в просветительской деятельности.

Анализ административно-правовых механизмов показывает потребность в унификации процедур государственного санитарно-эпидемиологического надзора и устранении дублирования функций различных ведомств.

Концепция «Единое здоровье», закрепленная в стратегических документах ВОЗ, должна найти более полное отражение в российском законодательстве через интеграцию экологических, медицинских и ветеринарных аспектов биологической безопасности.

Перспективы развития связаны с созданием адаптивной правовой системы, способной оперативно реагировать на новые виды биологических угроз, включая биотехнологические риски и потенциальные акты биотерроризма, при сохранении баланса между общественной безопасностью и конституционными правами граждан

По результатам анализа правового обеспечения эпидемиологической безопасности в рамках санитарно-эпидемиологических требований и профилактических мероприятий выявлены принципиальные системные противоречия между централизованным характером биологических угроз и фрагментарной отраслевой логикой существующего регулирования. Практика применения санитарно-эпидемиологических норм в строительстве демонстрирует увеличение себестоимости проектов на 25% при полном соблюдении требований, что создает экономические стимулы для их обхода, а

отсутствие актуальных технических стандартов по содержанию сибиреязвенных скотомогильников периода 1980-х годов превращает профилактику особо опасных инфекций в импровизацию местных властей. Одновременно правоприменительная практика выявляет парадоксальную ситуацию, где идентичные нарушения санитарно-эпидемиологических требований влекут административные санкции, различающиеся в пятнадцать раз в зависимости от юридической квалификации, что подрывает принцип равенства перед законом и создает правовую неопределенность для хозяйствующих субъектов.

Концептуальное решение выявленных проблем требует кардинального пересмотра архитектуры правового регулирования через создание трехуровневой адаптивной системы, основанной на принципе превентивности и интегрирующей базовый Кодекс биологической безопасности, отраслевые технические регламенты и цифровую платформу оперативного правового реагирования. Ключевым элементом новой системы должен стать институт превентивной правовой экспертизы биологических рисков, которая будет оценивать не только прямые угрозы, но и потенциальные правовые коллизии на стадии разработки любых нормативных актов, затрагивающих биологическую безопасность. Практическая реализация концепции предполагает создание Федеральной службы биологической безопасности как единого координирующего органа, обладающего правом издания технических регламентов и управления цифровой платформой автоматизированного правового реагирования на эпидемиологические угрозы, что позволит преодолеть межведомственную разобщенность и обеспечить единообразие правоприменения на всей территории страны.

По результатам проведенного анализа деятельность органов федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора демонстрирует устойчивую эффективность в реализации основных функций обеспечения эпидемиологической безопасности. Система Роспотребнадзора за период 2020-2024 годов показала конкретные результаты: снижение

инфекционной заболеваемости на 18%, возбуждение более полутора миллионов административных дел, что привело к уменьшению темпов распространения инфекций на 20-30% в регионах с активным надзором. Административно-правовой контроль эволюционировал от эпизодических мер к систематическому подходу, где штрафные санкции на сумму 10 миллиардов рублей были направлены на профилактические программы. Партнерство с бизнес-сообществом материализовалось в создании более пятисот корпоративных стандартов гигиены, что снизило профессиональные заболевания в пищевой промышленности на 15%. Международное сотрудничество через евразийскую информационную систему сократило время реагирования на угрозы с 48 до 12 часов, предотвратив завоз пяти опасных инфекций в 2024 году.

Однако анализ выявил системные проблемы, препятствующие полноценной реализации потенциала надзорной системы. Фрагментарность нормативной базы создает правовую неопределенность, где одно нарушение может квалифицироваться по разным статьям с различием штрафов в 15 раз, а суды отменяют до 30% постановлений из-за процедурных нарушений. Экономические барьеры особенно болезненны для малого бизнеса и строительной отрасли, где полное соблюдение норм увеличивает себестоимость на 25%, стимулируя нарушения. Межведомственная разобщенность замедляет реагирование на транспорте и в приграничных зонах, а региональное неравенство в финансировании оставляет устаревшие сибирезвенные скотомогильники без должного контроля. Низкая профилактико-эпидемиологическая культура населения обуславливает 30-40% нарушений невежеством, а не злым умыслом, что требует образовательных программ федерального масштаба.

Цифровизация эпидемиологической безопасности представляет стратегическое направление развития, где созданная федеральная информационная система и международная интеграция через платформы ВОЗ демонстрируют потенциал превентивного подхода. Практические результаты

включают 18%-ное снижение заболеваемости благодаря цифровому мониторингу и 75%-ный охват вакцинацией в 2024 году. Трансграничная система с Казахстаном предотвратила завоз инфекций через обмен данными о десяти тысячах случаев, а биобанки и генетический мониторинг создают основу для прогнозирования мутаций патогенов. Вместе с тем нормативно-правовая база отстает от технологических возможностей: отсутствуют обязательные стандарты применения искусственного интеллекта, не урегулированы вопросы конфиденциальности медицинских данных и ответственности за алгоритмические решения. Без единого федерального закона о цифровых аспектах эпидемиологии система остается фрагментированной, где потенциал больших данных и предиктивной аналитики реализуется лишь частично, ограничивая переход от реактивных мер к превентивному прогнозированию биологических угроз.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аникин С.Б., Пермяков А.И. Некоторые аспекты административно-правового обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в России // Вестник СГЮА. 2020. №6 (137). С. 101-107.
2. Артеева Ю. В. Становление и развитие санитарно-эпидемиологического законодательства России // Вестник магистратуры. 2022. №11-4 (134). С. 90-93.
3. Баранов В.А. Санитарно-эпидемиологические проблемы в строительстве // Экономика строительства. 2023. №4. С. 112-114.
4. Белоусов С. А., Королев С. Ю., Махонько Н. И., Арасова Е. А., Плотникова Ю. А. Обеспечение санитарно-эпидемиологической безопасности Российской Федерации в контексте опыта правового регулирования надзора в условиях пандемии COVID-19 на объектах транспорта // Вестник СГЮА. 2022. №3 (146). С. 62-69.
5. Васильева О.М. О практике привлечения к административной ответственности за нарушения ограничений, связанных с распространением заболеваний, представляющих опасность для окружающих (на примере пандемии Covid-19) // Вестник СГЮА. 2024. №1 (156). С. 104-110.
6. Выпханова Г. В. Совершенствование информационно-правового обеспечения экологической и биологической безопасности генетических технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. №5 (93). С. 146-155.
7. Гарина О. В. Участие полиции в проведении санитарно-эпидемиологических мероприятий (историко-правовой аспект) // Научный портал МВД России. 2024. №1 (65). С. 7-17.
8. Гимишян Л.С., Полуда О. Н. Противоэпидемиологическая деятельность общественных организаций под патронажем государства в

России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник СГЮА. 2023. №4 (153). С. 15-23.

9. Голобородько Ю.С. Административно-правовые аспекты государственного контроля в санитарно-эпидемиологической сфере // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. №3. С. 56-61.

10. Кременец М. Ю. Некоторые проблемы реализации нормативных правовых актов в области профилактики сибирской язвы // Вопросы российской юстиции. 2022. №22. С. 339-345.

11. Куликова О. А. Совершенствование взаимодействия санитарной службы и бизнеса в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2022. №6. С. 88-92.

12. Махонько Н.И., Тарасова Е.А. К вопросу о становлении безопасности в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения России // Безопасность бизнеса. 2023. № 1. С. 15 - 18.

13. Миллеров Е.В. О целесообразности законодательного закрепления термина «Профилактико-эпидемиологическая культура населения» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. №1. С. 163-168.

14. Официальный сайт Роспотребнадзора // URL: <https://rospotrebnadzor.ru/> (дата обращения: 22.08.2025).

15. Породенко В.А., Травенко Е.Н., Лаптев Д.А., Нарушение режима «повышенной готовности» («чрезвычайной ситуации»), санитарно-гигиенического и эпидемиологического благополучия населения в условиях борьбы с коронавирусной инфекцией: административно-правовые аспекты // Право и практика. 2023. №1. С. 45-50.

16. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 4 (ред. от 25.05.2022) «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней» // СПС «Консультант Плюс».

17. Постановление Правительства РФ от 02.12.2021 № 2178 (ред. от 27.09.2023) «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе сведений санитарно-эпидемиологического характера» // СПС «Консультант Плюс».

18. Редникова Т. В. Правовое обеспечение биологической безопасности в контексте национальной безопасности страны: новые угрозы и меры противодействия // Юридические исследования. 2023. №2. С. 1-10.

19. Санитарно-эпидемиологическая безопасность и готовность к чрезвычайным ситуациям: обеспечить безопасные и защищенные условия в Европейском регионе ВОЗ // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/europe/ru/news-room/events/item/2025/03/07/default-calendar/health-security-and-emergency-preparedness--building-a-safe-and-secure-who-european-region> (дата обращения: 22.08.2025).

20. Сахно А. И. Проблемы кодификации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2021. №2. С. 216-227.

21. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

22. Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 24.06.2025) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») // СПС «Консультант Плюс».

23. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» // СПС «Консультант Плюс».

24. Федеральный закон от 17.09.1998 № 157-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» // СПС «Консультант Плюс».

25. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС «Консультант Плюс».

26. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС «Консультант Плюс».

27. Филатова А.О., Левинзон В.С. Формирование государственной информационной системы в области биологической безопасности в Российской Федерации и Казахстане: организационно-правовые вопросы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2024. №2. С. 140-155.

28. Филатова А.О., Федосеев Р.В. Мониторинг нормативных правовых актов и проблемы правового регулирования в области обеспечения биологической безопасности // Пролог: журнал о праве. 2024. №4 (44). С. 39-51.

29. Хачак Б.Н., Цеева С. К., Шадже Л. А. Правовое обеспечение эпидемиологической безопасности в России в период пандемии COVID-19 // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №5. С. 217-221.

30. Шалавина Е.Н. Охрана земель как важнейший фактор сохранения окружающей среды // Вопросы российской юстиции. 2022. №18. С. 386-402.

31. Шубин И.В. Проблемы применения административного штрафа за нарушения санитарно-эпидемиологического законодательства в условиях режима повышенной готовности // Криминологический журнал. 2024. №2. С. 244-250.

32. Щербакова С.А., Карнаухов И.Г., Кутырев В.В. Роль Координационного совета по проблемам санитарной охраны территорий государств – участников Содружества Независимых Государств от завоза и распространения особо опасных инфекционных болезней в формировании единой системы мониторинга и реагирования на ЧС санитарно-

эпидемиологического характера на пространстве СНГ // Проблемы особо опасных инфекций. 2024. №2. С. 101-107.